

Гай Юлий Орловский

Логжин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Высокий элрд

Юджин – повелитель времени

Гай Орловский
Высокий глерд

«ЭКСМО»

2015

Орловский Г. Ю.

Высокий глерд / Г. Ю. Орловский — «Эксмо», 2015 — (Юджин — повелитель времени)

«Господь создал людей разными, а Кольт сделал их равными», – но так ли верна эта фраза в мире магии, где в небе парят драконы, где маги проходят сквозь стены, а рыцари ничего не боятся, кроме бесчестия? Благородный глерд Юджин вступает на путь конфронтации с могущественными силами... Новинка от создателя легендарного цикла «Ричард Длинные Руки»!

© Орловский Г. Ю., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гай Юлий Орловский
Юджин – повелитель времени.
Книга 2. Высокий глерд

© Орловский Г.Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

Глава 1

Мы вывалились в гостиную через внешнюю стену, ставшую странно проницаемой, что-то ударилось о пол с костяным стуком рядом с моим ухом.

Королева забарахталась подо мной, я сказал торопливо:

– Замрите, ваше величество!.. Вы в моем мире. А здесь я – страшный волшебник!

Она прошипела люто:

– Слезь с меня, ничтожество.

Я медленно отпустил ее, привстал на колени, готовый схватить при малейшем движении.

– Слушайте, – сказал я быстро. – Здесь полно ловушек. Все – смертельные. Не поднимаясь, осмотритесь!..

Телестена блещет всеми цветами радуги, на зеленом дне чаши огромного стадиона футболисты обнимаются, Власко Песко носится по беговой дорожке с победно вскинутым кулаком, Хуанита весь в слезах и соплях упал на колени и даже не пытается вытащить вдутый ему в сетку мяч, а в левом углу экрана бегут цифры, показывающие, что до конца матча осталось три минуты.

По движению моей брови экран вырубил звук. Я медленно встал, королева даже головой не двинула, только глазные яблоки поворачиваются из стороны в сторону, осматривая квартиру. Я видел, как задерживает взгляд на огромном плоском экране во всю стену, на встроенном кондиционере, на причудливо изогнутой кофемолке, что на самом деле не просто молка, а много больше, на принтере, затем осторожно повернула голову.

Из-за того, что живу один, дверей у меня почти нет, кроме как в туалет, все-таки бывают же гости, и в гостевую, так что сейчас вот с середины гостиной можно видеть половину кухни, прихожую и даже часть мебели во второй комнате.

Ее лицо медленно становилось блее белого, глаза дикие, впервые вижу на ее холеном лице испуг. Быстро оглянулась на то место, где был портал, сейчас там ровная белая стена.

Я не успел открыть рот, как она злобно прошипела:

– Ты что натворил?.. Где мы?

– Натворил? – повторил я с истерическим смешком. – А не вы, ваше величество, почему-то ухватились за меня, как Вакула за черта? Добро пожаловать в мой мир!.. Кстати, позвольте помочь вам встать?

Она смолчала, я сам подхватил ее под локоть, так она сохраняет лицо, поднял и даже придержал на секунду, удостоверюсь, что не упадет.

Не сходя с места, она посмотрела по сторонам.

– Что за ужасное место? Мастерская черных магов? Или... что-то похуже? Я хочу обратно!

Я сказал с сарказмом:

– Тогда зачем хватались?

Она отрезала жестким голосом:

– Я пыталась тебя остановить... Это мир демонов?

– Еще каких, – сообщил я злорадно. – Зачем меня останавливать?

– Я спасала королевство! – произнесла она сдавленным голосом.

– От меня?

– Но ты же, – сказала она уверенно, – хотел вернуться с армией демонов?

Я зло хохотнул.

– Портал захлопнулся. Вы здесь, ваше светлейшее величество! В моем мире. И, не хочу о таком говорить, но скажу с удовольствием, в моей власти.

Она посмотрела со всей надменностью.

– Так ли?

– Именно, – отрезал я. – Вот думаю, удавить и закопать в саду или же растворить и спустить в ванной вместе с водой?.. Вы сделали такую величайшую дурость, даже не знаю, как эту дурь обездурить, чтобы не вляпаться... Вы здесь точно не будете королевой, ваше величество! Разве что в комнате с белыми стенами и надписью над зарешеченным окном с надписью «Королева»...

Она, оставаясь на месте, все еще осматривалась внимательно и настороженно. Я постарался представить себе, что видит, но сразу скис, у дикарей совсем другие зрительные образы.

– Итак, ваше величество, – сказал я, – сейчас я обезврежу часть смертельных ловушек... Только для того, чтобы вы могли немного передвигаться. Очень немного! А потом посмотрим, что с вами... как с вами поступить.

– Я не отдам тебе мою честь, – сказала она беспомощно и одновременно надменно.

– Я могу отнять, – сообщил я и нагло ухмыльнулся.

– Отнятая честь, – сказала она, – это не то, что отданная. За отнятую тебе должны мстить все рыцари, все мужчины!

– Ах-ах, – сказал я, – шас! Разбегутся. В этом мире вы совсем не ценность, ваше величество... Кстати, ваше имя Орландия? Ладно, так и будем звать, только сократим его до Орли.

Она прошипела яростно:

– Как ты смеешь?

– А что?

– Если думаешь, что захватил меня в плен и можешь глумиться, то ошибаешься, раб!.. Можешь меня убить, но я не позволю тебя называть меня по имени!

Я подумал, махнул рукой.

– Как изволите. Я лишь хотел защитить... С другой стороны, вы там все так издевались надо мной, что когда вас здесь убьют, будет только справедливо.

Я включил кофемолку, она же кофеварка и даже мороженщица, сделал две чашки капучино. Она следила за мной настороженными глазами. Наконец спросила злым голосом:

– А почему убьют?

Я фыркнул.

– А вы как думаете? Вы в другом королевстве, где свои короли, и желаете, чтобы вас величали королевой? Убьют и правильно сделают. К тому же у нас полная демократия. Это значит, убьют, как только заикнетесь, что королева... Прошу вас! Выпейте, это вас немного защитит от здешней радиации. Это такая местная магия.

Она осторожно взяла чашку, с подозрением уставилась в темную поверхность кофе.

– Почему убьют?

Я вздохнул.

– Господи, еще одна почемучка!.. Потому что у нас восстания всяких роммельсов увенчались, как говорят, успехом. То есть, королей и все их семьи перебили самым жестоким образом, и с той поры правят только выборные. Ну, как в ваших селах деревенские старосты. Только у нас правят странами и государствами.

– Деревенские старосты?

Я кивнул.

– Да. Они. Бывают еще глупее. Народ не любит, когда правители умнее. Но дело в том, что у нас нет ни баронов, ни герцогов... вообще все благородное сословие мы с удовольствием перебили и запретили о нем даже упоминать. Теперь понятно, что будет, если объявитесь, как королева?

Она сникла, но когда сделала пару глотков из чашки, на глазах прибодрилась, огонек в глазах стал ярче, проговорила с некоторым усилием:

– И все равно ты все врешь.

Я покачал головой.

– Можете не верить, но... кстати, ваше величество, может быть, присядете? А то, когда стоим, как будто мы ровня... А кофе пьют стоя только кони.

Последние мои слова тут же заставили ее повести взглядом по гостиной в поисках куда сесть, я учтивым жестом указал на диван, роскошнейший, недавно купил за огромные бабки, чтобы кайфовать, когда смотрю матчи.

Она покачала головой, я запоздало сообразил, что вообще-то предлагаю почти неприличное, ибо диван – это диван, кто-то может сесть рядом, а когда женщина садится на диван, даже в своем доме, она как бы молча предлагает...

В общем, напомнил я себе, вся разница старого и нового времени только в небезопасном сексе, отсюда и все отличия в нравах и поведении, то есть строгость тех времен и полная свобода нынешних.

У меня в доме нет дронов и даже кухонного андроида, потому хоть и лень поднимать жопу, но встаю с дивана и собственноручно вытаскиваю из холодильника пиво, после чего с огромным вздохом облегчения – все-таки поработал! – плюхаюсь обратно на диван и с треском срываю с запотевшей баночки колпачок.

Сориентировавшись, она осторожно шагнула к креслу, что в двух шагах от дивана, опустилась со всем королевским величием, быстро приходит в себя, стерва.

Сиденье, полагаю, одобрила, с подобием улыбки, хоть и весьма напряженной, погладила свободной рукой бархатистые поручни.

– У тебя королевские покои, – сообщила она. – Ты король?..

– Смотря чего, – буркнул я. – Так чё делать будем?.. Нет, молчите, ваше величество. С тем же успехом могу спросить и кресло, в котором сидите.

Она поставила чашку на стол и ответила холодно:

– Как проник в наш мир, так и верни. Я, может быть, даже не стану казнить тебя.

– Вот как? – изумился я. – Какая щедрость!

Она поморщилась.

– Что, этого мало?.. Хорошо, могу даже наградить. Я щедрая к тем, кто служит верно.

Я сказал зло:

– Как?.. Я что, по своей воле там оказался? И сразу с радостной песней пошел ломать камень под плетью надсмотрщика?.. Ваш сумасшедший Рундельштотт еще в тот раз сумел пробить пространственно-временной портал!.. Меня вдернуло в ваш мир так, что хрюкнуть не хрюкнул. Рундельштотт до сих пор не сообразил, что у него все получилось еще тогда!.. Хотя и не совсем так, как задумывалось, но в науке такое постоянно...

Ее лицо чуть потемнело.

– Значит, Рундельштотт... Ладно, верни меня, королевство в опасности.

– Как? – повторил я. – Не могу.

Она подумала, поинтересовалась:

– А если прикажу?

Я искривил рожу.

– Я не ваш подданный, ваше величество. Теперь это понимаете. Или не врубаетесь ввиду своего... гм... королевского величия?

Она кивнула.

– Понимаю. Тогда... если заплачу?

Я окинул взглядом россыпи бриллиантов и прочих драгоценных камней на ее одежде. Она проследила за моим взглядом, закусила губу, поняла.

– Хорошо, – сказала она, – могу дать в управление целое имение. На хороших землях.

– Не пойдет, – ответил я.

– С замком, – произнесла она, глядя мне в глаза, – гарнизоном.

Я молча помотал головой, взгляд мой прикипел к экрану, где все еще отсчитываются минуты и секунды до начала матча. Когда меня вдернуло в портал, было 4 минуты и 27 секунд, а сейчас 3 минуты и 24 секунды. А если учесть, что уже с минуту здесь, то...

То что же, мелькнула ошалелая мысль, я вернулся в ту же самую секунду?

Она произнесла с поистине королевским величием:

– Я тебя осыплю золотом! Но мне нужно вернуться. Повторяю, королевство в опасности.

Я протянул руку.

– Давайте монеты.

Она смерила меня надменным взглядом.

– Здесь у меня нет.

– Но мы здесь, – отрезал я. – Ваше величество, вы в моем королевстве!.. И теперь я вас пошлю в каменоломню. Нет, это далеко, пока отправлю посуду мыть, а потом...

Она прошипела зло:

– Я лучше умру!

– Чем что? – спросил я.

– Чем буду посуду мыть!

– А-а-а, – сказал я обрадованно, – тогда ладно. Вы как хотите умереть: красиво или героически?

Она посмотрела злобно.

– А есть разница?

– Еще бы, – сказал я. – Героически – это понятно, нужно всего лишь броситься на, желательно с самоотверженным криком, а красиво – это лучше жалобной и с распущенными волосами и в растерзанном насильником платье...

Она содрогнулась.

– Нет! Красиво не хочу. Хотя пока что и героически не хочу. Не имею права.

– А что хотите?

– Тебя удушить, – выпалила она. – Как же я тебя, мерзавец, ненавижу!

– Тогда чего было за меня хвататься? – спросил я. – Может быть, вы тайно в меня влюбились? Подсознательно, еще не понимая? Женщины же дуры, а вы хоть и не женщина точно, это же за милую видно, но вдруг что-то в вас осталось женского?

Она отрезала жестко:

– Нет! Я – королева. Ты не понимаешь. Я королева.

– Настоящая, – согласился я. – Всегда настороже, реагируете быстро и верно. Только вы одна поняли, что я задумал! И даже почти остановили. Это почти комплимент, вот уж не думал, что скажу.

Она сказала уже тише:

– Не знаю, что было лучше... Оставить у нас или позволить ускользнуть?

– А почему было не дать мне спокойно вернуться в свой мир?

Она посмотрела холодно.

– Чтоб вернулся с армией?

Я всплеснул руками.

– Как? Я до сих пор не представляю, как был сделан перенос. И повторить его не смогу. К тому же... ну, я не совсем здесь король. И даже не главнокомандующий. И вообще я великий воин лишь глубоко в душе, а в реале пацифист, пацифистее которого уже не перепацифистишь!

Мелодично звякнул скайп, женский голос электронного помощника произнес:

– На связи Кирилл. Соединить, отказать?

Я бросил быстрый взгляд на застывшую королеву.

– Отказать.

– Исполнено, – ответил голос.

Под креслом зашуршало, выполз, прижимаясь к полу пузом, жабенок и ринулся ко мне. Я погладил обалдело, он сидел у меня на плече, когда его хозяин ринулся в портал, а здесь слетел от удара и сильно стукнулся о пол рядом с моим ухом...

– Морда, – сказал я в сердцах, – еще и тебя здесь не хватало.

Королева надменно смотрела, как я чешу ему пузо, а я сказал:

– Бедненький, тебе страшно было?.. Сейчас покормлю. Заодно и ее величество...

Она напрыглась, пальцы стиснули подлокотники, когда я распахнул дверцы холодильника и оттуда хлынул слегка синеватый свет. На полках всякая всячина, от мяса и рыбы до кондитерских изысков, в дверцах по старинке выстроились бутылки с шедеврами полиграфии, но почти все – соки, за исключением двух бутылок шампанского.

Первому, конечно, я положил в мисочку жабенку, он даже не стал обнюхивать незнакомое мясо, подпрыгнул на всех четырех и принялся жрять с таким азартом, что мое сердце сразу растаяло от умиления и нежности.

– Ваше величество, – сказал я, – давайте ближе к столу. Деликатесов не обещаю, обычная еда офисного планктона.

Мне, как безработному, содержать механических слуг не по карману, сам вытащил все нужное из холодильника, что-то сразу разогрел за секунды на импульсной плите, что-то подал замороженным, с облегчением сел и уставился на королеву.

– Ваше величество?

Глава 2

Она подняла на меня взгляд, это вообще-то впечатляюще, когда поднимается лес густых и длинных, как копья, встречающие конницу, ресниц, а чернящие глаза смотрят с загадочностью сфинкса.

– Это ваша еда?

– По бедности, ваше величество, – сказал я. – По бедности. Вполне сбалансированная пища. Витамины, микроэлементы... все есть.

Она смотрела на блюда с порциями хамона и пармезана, креветок, форели, перепелиных яиц, дальше своей очереди ждут горки нежнейших даже с виду пирожных, за ними высятся два удлинённых стакана со смесью соков.

– Это по бедности?

– Да, – сказал я терпеливо, – мой бюджет не позволяет создавать все дома. Приходится брать уже готовое.

Она проследила за моим взглядом, на дальнем столике Vort-75, старая модель, сейчас уже в ходу Vort-85 и Vort-95, печатают все от любой еды до одежды.

– Ты не можешь создавать дома все? – спросила она, выделив «все».

– Не могу, – ответил я раздраженно. – Так, по мелочи... Одежду, мебель, из еды только ограниченный набор. Отведаете креветок, ваше величество! Говорят, повышается умственная деятельность. Хотя для королевы это и не обязательно.

Она следила за мной, повторяя каждое движение, даже вилкой и ножом научилась пользоваться почти сразу, вилки вообще должны казаться непонятнейшей вещью в мире, где и самые изысканные придворные дамы хватают еду руками.

– И вот это попробуйте, – посоветовал я. – Честно говоря, сам не знаю, что это, с этой модификацией каждый день что-то новое... но не брыкается, пока ешь, и то хорошо.

– Необычно, – произнесла она бесстрастно, – однако это... неважно.

Я сказал с невольным сочувствием:

– Ваше величество, не хочется такое говорить, короли же предпочитают слушать только приятное...

– Говори, – прервала она и напомнила: – Я королева.

– Вам придется, ваше величество, как-то адаптироваться. Приспосабливаться к нашей жизни. Приспособленчество – тоже перестало быть бранным словом.

Она покачала головой.

– Нет. Мне нужно вернуться.

– Не получится, – сказал я искренне. – Возьмите эти сладкие пирожки. Они так и называются – пирожные.

Она взяла пирожное не глядя и сказала с нажимом:

– Ты не понимаешь. Мне нужно. Королевство в опасности.

– Может быть, – сказал я с легким сарказмом, – только ваш трон?

Она посмотрела на меня с презрением.

– Трон и королевство неразделимы. От того, кто на троне, зависит благополучие всего королевства. А сейчас к нему рвутся себялюбцы, что ввергнут страну в бессмысленные войны!

– И вы должны вернуться, – ответил я с тем же сарказмом, – чтобы спасти мир? Понятно, знакомо.

Она отрезала:

– Ты старался вернуться, чтобы спасти свою шкуру. Мне моя жизнь не важна, я должна спасти свой народ!..

Я запнулся, в ее глазах этот фанатизм, в самом деле верит, что спасет положение, еще не знает про неизбежность исторических процессов, для которых неважно, кто на троне.

С другой стороны, хорошо знаю по истории, что в самом деле зависит от правителя, воевать стране или вести мирную жизнь, прорубывать окно в Европу или окружить себя фаворитами и проводить дни в пьянстве и неге, в то время как королевство сползает к революции и гражданской войне.

– Увы, – сказал я почти с сочувствием, беспомощный противник почему-то сразу перестает казаться противником, когда попадает в нашу полную власть, особенно, если этот противник – самка. – Здесь вы не королева.

Она выпрямилась, глаза сверкнули гневом:

– Никто не отнимет мою корону!

– Как я уже сказал, – напомнил я, – всех королей и королев мы перебили. Во всех королевствах! Даже своего императора вместе с семьей расстреляли и закопали, как собак. Только в самых крохотных королевствах их не убили, а оставили для смеха. Одевают посмешнее и показывают по большим праздникам народу. Теперь общество обходится без королей, графов, баронов и прочих дураков. Все рождаются одинаково свободными и без привилегий.

Она прошептала в отвращении:

– Такого просто не может быть...

– Это есть, – заверил я. – Наше общество полностью демократичное и справедливое, потому намного более бесчеловечное и жестокое, чем у вас.

– Почему?

– Ваше величество, – сказал я, – у вас графами и баронами сразу рождаются, а у нас ими нужно становиться. Я же говорю, все от рождения одинаковы! И начинается такая гонка за властью, что трупы прятать некуда... Конечно, у нас эти победившие называются не графами, это мелочь, у нас это олигархи, политики, управляющие транскорпорациями, футболисты, актеры, биллгейтсы и прочие, кто добился успеха, обойдя множество соперников... Отведайте сока. Вот этого, розового, можно и этот, оранжевый. В них есть все, чтобы восстановить здоровье. У вас оно точно пошатнулось, верно?

Она процедила злобно:

– Моего здоровья хватит, чтобы править королевством!

– Опять за рыбу гроши, – сказал я с сочувствием.

Она сделала глоток сока, прислушалась к ощущениям. Я следил за ее медленно розовеющим лицом, а она спросила внезапно:

– Сколько у тебя табунов?

Я спросил удивленно:

– Табунов? Ни одного.

Она нахмурилась, посмотрела искоса.

– Как так? Ни одного? Даже простых коней, не крылатых?

Я выдавил улыбку.

– Чего я их буду таскать с собой? Конечно, ни одного.

Она фыркнула:

– Ах да, понятно, смешно... Ты уже придумал, как вернуть меня обратно?

Я сам откинулся на спинку стула и воззрился на нее с должным изумлением.

– Как?.. Ваше величество, скажу вам с долей микроскопического сочувствия, но твердо, что вернуться не удастся. Это не в моих силах. Если же попытаться обратиться за помощью...

Она вздрогнула, во взгляде впервые промелькнул страх.

– Нет!

– Мне тоже кажется, – проговорил я медленно, – что в этой идее что-то не то... Хотя мы всех королей уже давно перебили, злости уже нет, потому самое верное, что случится, вас сочтут сумасшедшей и начнут лечить. А это больно и унижительно...

Она прервала:

– Нет!.. Я не хочу, чтобы обо мне узнали. И я хочу вернуться немедленно.

– А вот с этим непросто, – признался я. – Вы знаете, как это сделать?

Она взглянула надменно.

– Я королева!

– Ах да, – пробормотал я, – еще бы... извозчики, дескать, на что... А почему решили, что это смогу я?

– Ты мужчина, – заявила она непререкаемо. – Ты должен. Ты обязан. К тому же учился у самого Рундельштотта...

– Ах да, – сказал я с прежним сарказмом. – Если это называть учением!..

Он смерила меня пытливым взглядом.

– Ты все быстро схватываешь. Я заметила сразу. И потому отправила тебя к самому Рундельштотту. Так что ты сможешь...

Она говорила ровным голосом, но я чувствовал ее страшное напряжение и догадывался, чего стоит это показное спокойствие. Попала в гораздо более страшный мир, чем тогда я. Если не поднимать голову к небу, то мне в ее мире все знакомо по школьному учебнику истории для четвертого класса, а для нее каждая деталь в квартире нечто пугающе непонятное, страшное, угрожающее.

Экран на стене занимает все пространство от и до, я держу обычно вырубленным, но сейчас вспыхнул, там появилась и сделала шаг вперед Аня Межелайтис с ее знаменитой зовущей улыбкой и раскованной позой.

Королева застыла, как крокодил в траве, Аня же вышла на шаг за пределы экрана, больше голография моей хилой системы не позволяет, всмотрелась в меня критически.

– У тебя бицепс все еще сорок сантиметров? – спросила она. – А у Томаса уже сорок четыре!

– Врешь, – ответил я, – у него сорок, как и у меня! Это на левой, а на правой вообще тридцать девять и шесть!

– Нет, – сказала она победным голосом. – Он нарочно не рассказывал, а теперь выставил свои размеры.

– Сгинь, – велел я.

Аня исчезла, а на экране во множестве окошек замелькали ролики новостей со всех концов планеты.

– Выключить, – велел я. – Простите, ваше величество, слуги бывают такими назойливыми! Еще раз простите... Попробуйте вот это блюдо. Не знаю, как называется, уже прошли времена, когда все, кто желал называться изысканной интеллигенцией, носились с хамом и пармезаном... сейчас все так быстро меняется, и каждое блюдо вкуснее предыдущих, наука на марше, на желудок она работает с азартом, это на космос из-под палки...

Экран давно погас, но королева время от времени бросала на стену взгляд, словно это портал, откуда в любой момент могут хлынуть орды демонов.

Я старался даже не двигаться, королева и так на грани нервного срыва, хотя женщина железная, это вижу, лицо как деревянное... хотя нет, как будто из драгоценного камня, аметиста или чего-то подобного, что неотличимо от нормального цвета лица. И хотя заметно побледнела, но ни одной морщинки, ни одной складочки, словно отрендерено в творческих муках лучшими дизайнерами мира.

Я хлопнул себя по лбу.

– Простите, ваше величество! У меня так редко бывают гости, что совершенно забыл первое и самое главное правило...

Она насторожилась.

– Говори.

– Пойдемте, – сказал я, – я просто покажу. Там и объясню.

Она медленно и величаво поднялась, королева Нижних Долин даже здесь, в моем загородном домике, прошла со мной. В коридоре я остановился и указал на дверь в пяти шагах от гостиной.

– Вот, прошу вас, заходите туды. Там можно помыть руки...

Она спросила с непониманием:

– А зачем их мыть?

– Ритуал, – ответил я.

– Я не молюсь вашим богам, – заявила она гордо.

Я ответил, уже сердясь больше на самого себя:

– Так принято. В старину после того, как жопу подтирали, всегда руки мыли. Чтоб других не пачкать. Теперь не подтирают, но руки как бы моют, хотя на самом деле не моют, а делают вид, что моют, хотя не моют... Эвфемизм такой. Религиозные обряды не обсуждают, ваше величество! Их просто выполняют.

Пришлось подвести ближе и подтолкнуть в спину, дверь за нею тут же захлопнулась, хотя в современном раскрепощенном мире туалетные вообще строятся без такого излишества, как двери, но мой домик построен еще моим старорежимным дедом.

Я отступил, громко топая, чтобы королева там не стеснялась. Туалет автоматизированный, не надо объяснять, как и что. Какать королева, наверное, все же умеет сама, а дальше все то, что нужно было делать человеку, взяла на себя автоматика.

Королеве нужно только присесть на унитаз, а по завершении процесса дефекации встать, жопа будет не только чистая, но и сухая, все-таки титаны науки работают в первую очередь над усовершенствованием унитазов, а не над каким-то покорением сраного космоса или разгадками тайн темной материи, вовсе ненужной демократу для его садового участка и помидоров.

Я ждал ее за столом, сообразив, что стоять у двери будет не совсем прилично с точки зрения первобытной монархии.

Королева в самом деле появилась в столовой с таким видом, словно гуляла в саду среди роз, я вскочил и отодвинул стул, в кино насмотрелся на эти гребанные манеры.

Королева царственно опустилась, ни словом, ни взглядом не поблагодарив, слуг не благодарят, они просто делают свою работу.

Я сел на другом конце стола, он почти квадратный, но с намеком на церемониальную вытянутость, а королева произнесла с твердостью:

– Я знаю, это мир демонов, но... где они?

Я оглянулся по сторонам, что-то соображаю туговато, ответил с понижением голоса:

– Ваше величество, не к ночи будь сказано... зачем они вам?

– Но если захватили ваш мир...

Я ответил шепотом:

– Они правят!.. А мы, покоренные, на самом низу социальной лестницы. С чего бы демонам с нами тусоваться?..

– Но если они все захватили...

Я ответил почтительно:

– Ваше величество, наши демоны столь могущественны, что захватывают не людей, а целиком королевства. В их подчинении короли, а мы... в подчинении королей, хотя они теперь называются иначе.

Она подумала, кивнула.

– Ладно, это сейчас неважно. Важно то, что ты пока что не знаешь, как вернуть меня в мой мир. Я понимаю, ты не великий Рундельштотт, прорубивший дверь в ваш мир... Но обещай, что постарайся.

Я пожал плечами.

– А что это даст? Обещай не обещай, но даже не представляю...

– Пообещай, – потребовала она.

Я вздохнул, развел руками.

– Хорошо-хорошо. Обещаю.

– Что? – спросила она с нажимом. – Что обещаешь?

– Ваше величество, – сказал я досадливо, – обещаю со всей искренностью, что приложу все усилия, чтобы вернуть вас в ваш мир. И сделаю все для этого. И даже больше. Довольны?

Она кивнула, напряжение из ее фигуры, к моему изумлению, выветривается буквально на глазах.

– Да, – ответила она просто. – Я верю в твое обещание.

– Это ничего не даст, – буркнул я с непонятной мне самому неловкостью.

– Верю и в твои силы, – уточнила она. – Ты все сможешь! Хотя ты не Рундельштотт, но ты мужчина. Ты должен.

Я пробормотал:

– Давно не слышал таких слов.

– А какие слышишь? – спросила она.

– Только насчет прав, – ответил я. – На то имею право, на это, еще вот на то, и вообще у нас только права и никаких обязанностей!

Она ужаснулась:

– Как же вы живете?

– Да вот так, – ответил я скромно. – Перебиваемся как-то. Ваше величество, вы совсем не обращаете внимание на блюда... Да, немного непривычно, но все съедобно. И вот эти сдобные пирожки... Тают во рту!

Глава 3

В нише заскреблось, вылез сонный пылесос, повел сяжками-камерами. Королева дернулась, когда он двинулся к ней, но огромным усилием воли сдержалась, не завизжала в ужасе, даже ноги не подобрала, хотя допотопный пылесос, согласен, выглядит вообще-то страшно-вато, как железная черепаха из мастерской далеков.

Он понюхал ее платье, деловито собрал пыль с подола, поскреб туфельки и потащился к лестнице на второй этаж.

Она проводила его взглядом, на лице огромное облегчение, но когда заговорила, голос звучал ровно и привычно холодно:

– Это... твой слуга?

– Мой, – согласился я. – Хотя я и не глерд.

По ее лицу промелькнула тень неудовольствия.

– Ты глерд, хотя и не считаешь себя... Хотя, возможно, у вас глерды называются иначе? В королевстве Уламрия, это наши соседи, глерды именуются лордами. У тебя весь дом полон слуг-демонов. Я так и не поняла, что это за мир демонов, если они служат тебе?

Я скромно улыбнулся.

– Ваше величество, позвольте, это я объяснять не стану.

Она посмотрела исподлобья.

– Кажется, начинаю догадываться... Но это в корне все меняет.

Пылесос взобрался почти до последней ступеньки, но сорвался и с грохотом съехал на спине, ритмично постукивая на каждой, на полу у самых наших ног завертелся волчком на выпуклом панцире.

Я процедил сквозь зубы:

– В металлолом восхотел?..

Он жалобно пискнул, из отверстий в панцире поспешно выдвинулись сразу два манипулятора, я не успел слова добавить, как перевернули стальной пылесборник с грохотом на пузо, и он не пополз по ступенькам, а помчался скачками, как резвый щенок.

– Еще раз такое выкинешь, – сказал я вдогонку, – понял?.. Закажи новые детали, проапгрейди прогу... Анька, проследи за этим дурнем, чтобы ничего не забыл!

Во весь экран появилось лицо Ани Межелайтис, томно облизнула губы и сообщила эротичным голосом:

– Хорошо, босс... Все, что скажете, босс!.. Только намекните, босс!

Я оглянулся на королеву, внимательно прислушивается, сказал раздраженно:

– Никого не принимаю! Отключи связь. Вообще отключи.

Аня кокетливо вскинула тонкие шнурки бровей, пухлый ротик приоткрылся дико эротично.

– Кроме, – спросила она в изумлении, – чрезвычайных ситуаций?

– Даже чрезвычайных, – начал я, потом махнул рукой: – Ладно, те оставь, ну там пожар, война, вторжение марсиан...

Королева внимательно наблюдала за мной, на губах проступило нечто напоминающее напряженную улыбку.

Аня исчезла, королева сказала негромко:

– Если не король, то не меньше, чем герцог?.. Столько народу добивается твоей аудиенции!.. И столько хотят подружиться с тобой!..

– Френды, – буркнул я, – еще не друзья. Мало ли что им надо... Я еще помню нигерийские письма...

– Тебе служат могущественные демоны, – продолжила она. – Тебе подчиняется весь замок... Здесь много народу?

Я огрызнулся нервно:

– А зачем они мне?.. Я один.

– Для одного человека, – сказала она очень серьезно, – это роскошно. Ты не крестьянин.

– Еще бы, – ответил я саркастически, – я планктон!.. Теперь такое время, что даже планктон – звучит гордо.

Она медленно допила сок, на лице ни тени эмоций, хоть бы сказала, что вкусно, но, понятно, королева, ей сказать, что вкусно, это почти поблагодарить, но как можно так низко пасть самой королеве!

– Ваше величество, – произнес я, – позвольте совершенно искренне восхититься вашей железной выдержкой. Я смутно догадываюсь, каким чудовищным вам должен показаться этот мир... не то, что мне ваш, но вы... вы великолепны!.. Ни диких воплей, ни ужаса, ни попыток бросаться на стены, согласен, весьма странные, ни обморока...

Она смотрела на меня холодно и высокомерно, и хотя это злит, но одновременно и восхищает.

– Я королева, – сообщила она так, словно я увидел ее впервые, – царствующие особы с колыбели обучаются держать себя на публике.

– Здесь нет публики.

– А вдруг? – произнесла она. – Потому я королева даже в пустой комнате.

Я поклонился.

– Ваше величество. Вы – человек долга. Я восхищен, и мне жутко стыдно. Сам я вообще-то безвольная свинья. У меня ни чувства чести, ни чувства долга. Тем более я эта... преклоняюсь. Ибо вы... недостижимы.

– Верни меня обратно, – ответила она.

Я ощутил сильнейшую беспомощность и жгучий стыд. Она все еще смотрит на меня, как на мужчину, у которого Долг, Честь, обязанности, не понимая, что от обязанностей всяк прячется, как собака от мух, а про долг и честь давно забыли, мы ж не дикари какие-то...

– Я, – проговорил я, – я... думаю над этим сложным вопросом. Уже голова пухнет, видите?

Я смотрел, как медленно и величественно встала из-за стола, нет, поднялась, есть разница между встать и подняться, так же неспешно вышла, оставив стул, это уже я придвину, понятно, она же королева, а я черт-те что, в задумчивости прошлась по гостиной, медленно и осторожно прикасаясь кончиками пальцев к стенам, мебели, приборам...

Я чувствовал нарастающее беспокойство, далеко не все в доме замкнуто на меня, иначе самому пришлось бы обслуживать гостей, а так любой может включить телевизор и выбрать программу, достать из холодильника пиво, включить или выключить свет...

Я начертил мысленно ее траекторию, обязательно пройдет мимо транскомпа, неделю тому я начал собирать его собственноручно, это гораздо дешевле, чем купить в магазине, это не по карману, но сейчас в полуразобранном...

– Платформу влево, – произнес я вполголоса, – разъемник выше...

Королева, как я и рассчитал, подошла, прикоснулась кончиками пальцев... я нарочито отвернулся, а за спиной сухо затрещало, раздался сдавленный вскрик. Я быстро оглянулся, королеву отшвырнуло на другой конец комнаты, где и растянулась на полу. Волосы дыбом, глаза выпучены, а зубы стучат мелко-мелко. Руки тоже трясутся, как у припадочной, щеки бледные, как мел.

Я охнул:

– Что за дурь? Могло же вовсе убить!..

Ее крупно колотило, выговорить не может ни слова, я поднял ее на руки, никогда бы не подумал из-за ее массы платьев, что такая легкая, понес к дивану, она даже не поняла, что с нею делают, и бережно опустил на роскошно мягкую поверхность.

Пришла в себя не скоро, руки еще дергаются, но ухитрилась выговорить:

– Что... это... было?

– Ответ, – сообщил я с невольным злорадством. – В жилище такого могучего мага, как я, нельзя и шагу ступить самостоятельно, ясно?.. А делать можно только то, что разрешу. Что изволю разрешить по своей великой милости и доброты. Понятно, почему?

Она прошептала:

– По... че... му?

– Потому что здесь главный я, – сообщил я злорадно. – А ваша жизнь, ваше бывшее величество, теперь в моих гнусных лапах! И ваша честь. Да и вообще... усе.

Она осталась лежать неподвижно, даже руки перестали трястись, хотя пальцы еще мелко-мелко вздрагивали. Глаза огромные, вытаращенные, ресницы трепещут, как крылья у бабочки, что хотела бы взлететь, да боится шныряющих вверху страшных хищников – воробьев и ласточек.

Потом ее лицо отвердело, в глазах проступила привычная жестокость, она медленно поднялась, даже возделась, будто не сама по себе, а некая сила ее подняла, встала и пересела в кресло за столом.

– Я не враг, – произнесла она прежним холодным голосом, как разговаривала в тронном зале с придворными.

– Надеюсь, – ответил я.

– Тогда... зачем?

– Дом защищается, – объяснил я. – Ваше величество, волшебный дом просто предупредил, что нельзя ничего трогать без разрешения хозяина. В следующий раз просто убьет! Или сделает еще хуже...

Она проговорила нетвердым голосом:

– Что может быть хуже?

– Сделает вас старой, – ответил я без жалости. – Кожа станет морщинистой и дряблой, щеки обвиснут, под глазами появится три яруса серых мешков, похожих на рыбацкие сети, с темными пятнами на щеках и лбу, а шея так и вообще...

Она прошипела:

– Прекрати! У меня уже сейчас такая от твоих слов!..

Я повернулся к экрану.

– Снимок!.. Еще один... Еще... Вывести на экран.

Королева ахнула, когда на экране появилась она, сидящая сейчас за столом, все еще бледная и с расширенными в испуге глазами.

– Это...

– Это вы, ваше величество, – сказал я. – Ваш нынешний портрет.

Она медленно поднялась, выпрямилась во весь рост, не отрывая взгляда от своего изображения.

– У тебя... домашний художник?

– Можно сказать и так, – ответил я скромно.

– Он просто удивительный, – сказала она. – Нарисовать так моментально?.. Я о таком волшебстве не слыхала.

Она подошла к экрану, оглянулась.

– Потрогать можно?

– Это можно, – разрешил я великодушно и добавил громко: – Стража! За это мою гостью не убивать, не калечить и не делать старой.

Она осторожно прикоснулась, под ее пальцами изображение тут же увеличилось. Отдернула руку, но фото оставалось в том же размере. Прикоснулась еще раз, оно увеличилось так, что помещается только один глаз, что занял половину стены.

Я сказал с сочувствием:

– Ваше величество, нужно сделать пальцами всего лишь вот так...

Я показал, не прикасаясь к стене, изображение тут же уменьшилось.

Он попробовала, фото осталось таким же, как сделал я.

– Управлять жестами может только хозяин, – сказал я. – У вас доступ ниже, но тоже есть. Повозите пальцами по экрану...

– Полотну?

– Да, – согласился я. – Полотну. У нас такое полотно. Скользкое. Будто в соплях, но без соплей.

Она сосредоточилась, даже нахмурилась и губу прикусила, начала двигать пальцами, изображение то уменьшалось до макового зернышка, то увеличивалось так, что на весь экран одна ресница, я же отошел в сторону и жестами вызвал на дополнительном экранчике на другой стене редактор и велел состарить ее фото так, чтобы выглядела древней старухой.

Я не указал год, и на экране понеслась вереница старческих лиц, я поспешно согнул палец, в центре остановилось фото старухи в сто двадцать лет.

– На главный экран, – велел я вполголоса.

На большом изображение моментально сменилось, королева отпрянула.

– Что... это?

– Это вы, – пояснил я любезно. – Узнаете?... Такой станете, если будете щупать тут все и тыкать вашими королевскими пальцами, без моего разрешения. Понимаете, ваше величество... здесь вам не там.

Она побледнела при виде старухи на экране, но всматривалась очень внимательно. От такого фото даже у меня мороз по коже, но королева, судя по выражению ее лица, отыскивала сходство со своей бабушкой или прабабушкой, некие общие фамильные черты, что идут из поколения в поколения тысячи лет.

– Это ужасно, – произнесла она холодно. – Я ничего не стану трогать. Хотя я королева!

– Но не в моем доме, – напомнил я. – Здесь я король, хоть и как бы король, ваше величество. А вы... даже не знаю, гостя или пленница?

Она посмотрела на меня с высокомерным равнодушием.

– Определяйтесь быстрее, глерд... или не глерд? От этого зависит ваше будущее.

– Чё-чё? – переспросил я.

– Ваша выгода, – пояснила она с королевской снисходительностью к карлику. – Я королева! А услуги королям оплачиваются высоко.

– Вы можете оплатить только драгоценностями на вашем платье, – отрезал я. – И в заколках. Но их могу забрать и так. По своей воле!.. А больше ничего не можете.

– Верни меня в мое королевство, – напомнила она. – Ты получишь намного больше.

– Не надо было хвататься за меня, – напомнил с бессильной злостью. – Какая хватка, какая хватка! Королевская. Вы свое не упустите, верно?

– Я пыталась тебя остановить, – сказала она. – Вообще-то остановила бы... но ты оказался сильнее и стремительнее.

Я сказал зло:

– Да, вы из тех, кто коня на скаку остановит... но теперь мы оба заполучили головную боль. Вы в чужом мире, а я все не решаю: утопить вас или удушить?... Блин, со спутников мониторят всех муравьев на моем участке, труп на огороде не спрячешь. А где прятать?

– Ты сможешь, – сказала она и посмотрела очень внимательно. – Ты сможешь!

– Спрятать труп?

– Вернуть меня обратно, – ответила она, по-королевски не замечая глупой шуточки. – Если не за горы золота, не за бриллианты или земли, и как королева я для тебя не королева... то хотя бы как помощь женщине? У вас как насчет рыцарской чести?

– Хреново, – буркнул я. – Хуже некуда. Мужчины пали настолько, что женщины сами берут в руки как столярные молотки, так и... оружие. И сами себя защищают... а то и мужчин.

Она широко распахнула глаза.

– А мужчины... что, терпят?

Я хмыкнул.

– Пока еще ни один не покончил с собой из-за стыда.

Она всмотрелась в меня.

– А ты... неужели и ты... Нет, я же вижу, ты не такой. Ты не такой!

– Еще какой, – сказал я тоскливо. – Я такая свинья подзаборная... Чаше хрюкаю, чем говорю. Вон на диване место протерто... Там лежу, а вон там вмятина от моей жопы. Каждый день сижу часов по пять перед жвачником, серфлю, а потом до ночи мобов бью... Там я такой герой и та-а-а-акой блага-а-ародный...

Она подумала и, не сводя с меня пристального взгляда, произнесла задумчиво:

– Значит, ты уже накопил силы...

– Накопил?... Силы?..

– Ты уже коснулся ногами дна, – проговорила она так же медленно, – осталось только утонуть... или толкнуться, чтобы выпрыгнуть на поверхность.

– Ага, – сказал я саркастически, – только это такое дно, что каждый тонет с огромным удовольствием.

Глава 4

Мой карликовый тираннозаврик сперва рычал и пятился от ползающего пылесоса, но тот не обращает внимания на будущего страшного дракона, и мой ящеренок, осмелев, начал нападать и пробовать ухватить широкой пастью. Пылесос пятился, собирая пыль, наконец мой гребенчатый зверь отважно прыгнул на это чудище и, цепляясь за отверстия и выпуклости, взобрался на самый горб.

Когда вот так проехали мимо меня, я похвалил за отвагу и мужество, ящеренок тут же соскочил и взобрался ко мне на колени. Я почесал ему пузо и белесое горлышко, он побалдел, но когда пылесос снова проползал мимо, прямо с моих колен прыгнул ему на спину и, вцепившись всеми четырьмя, гордо покатил на таком танке, как де Голль в освобожденный Париж.

Королева осматривала гостиную с королевским равнодушием, как и положено королеве, заглянувшей в хижину дровосека или углежога, нет, все-таки дровосека, у меня испачкаться просто немыслимо, но я чувствовал ее страшное напряжение, в этом чудовищном мире нет ни единого знакомого предмета, кроме стен и входной двери.

Остановилась перед портретом Салка, мистера Олимпия, но только начала всматриваться, как тот исчез, а на его месте появился Знак, еще мышчатеет и с чудовищно вздутыми бицепсами, у него второе место в общем зачете, но первые два по бицухе и трицам...

Едва заметно вздрогнув, некоторое время всматривалась, но вместо Знака появился Крабоид, чемпион по паурлифтингу, лишь тогда она величаво повернула голову в мою сторону.

– Интересный у тебя портрет... Но почему меняется?

– Слайд-шоу, – ответил я, – ваше величество, в той рамке миллионы картин. Вот там еще две рамки, но все равно, кто на них смотрит?.. Не обращайтесь, это местная магия.

Она покачала головой.

– У нас такой нет.

– Это хорошо, – одобрил я. – Даже прекрасно, что нет. У нас из-за этой магии все художники вымерли. И вообще рисование исчезло. Потому не допускайте!

Она прошла чуть дальше, остановилась перед стеной, где закреплены на крючках два меча и топор со щитом, все из лучшей стали, легкие и прочные, ничем не поцарапать. Магазинов с такими штуковинами развелось немеряно, торговля идет бойко, почему-то эта хрень считается прекрасным украшением интерьера, редко найдешь квартиру, где нет меча или топора на стене. Находятся сумасшедшие, у которых все стены увешаны мечами, топорами, моргенштернами, мизерекардиями, саблями, шпагами, катанами, палицами...

Хотя, надо признаться, в современном исполнении в самом деле выглядят красиво, но, думаю, в реальности даже у королей оружие было попроще и не украшено бриллиантами, рубинами и прочими изумрудами, почти как натуральными.

– Это твое заслуженное оружие? – спросила она. – Все остальное, понимаю, в оружейной? И доспехи?

– Да, – ответил я, но уточнил: – Вам туда нельзя, ваше величество!.. Не женское это дело.

Она кивнула.

– Да-да, верно.

– И вообще, – сказал я, – герои сражаются без доспехов. Я, может быть, вообще берсерк в душе!

Она не отрывала взгляда от оружия, наконец произнесла раздумчиво:

– Вот этот меч слева просто прекрасен... Это твое основное оружие?

– Одно из, – ответил я скромно. – Одно из.

– Не тяжело для твоей руки?

– Тяжеловато? – спросил я с негодованием.

Она отступила на шаг и смотрела холодными змеиными глазами, как я снимаю меч с крюка, ножны сверкают мелкими красными камешками, одной рукой я придержал ножны, другой взялся за рукоять и медленно потащил клинок на свободу.

Как воин я, полагаю, никакой, драться не приходилось, но насмотревшись в фильмах, как эти гэгэ, то есть главные герои, зачем-то перед поединками крутят мечами во всех направлениях, наверное, это нечто ритуальное, то ли призывающее богов, то ли нагоняющее страх на противника, я, как Денур, Ратад, Маргаст и все остальные косплеисты, научился вращать мечом быстро и красиво.

Во-первых, это укрепляет кисть, а такое упражнение все же интереснее, чем вращать гантельку, да и перед девчонками можно побахвалиться, дескать, кручу полуторником как Глен Барбадэ в «Короле Киммерии» или Дирк Гуньо в своем сериале о неустрашимом герое-варваре, а то и лучше, вот посмотри, как я хорош!

Времени у нас всегда до фи́га, можно на экране поставить движение на повтор и, глядя на него, крутить мечом и крутить, как бы кисть ни ныла, пока не получится легко и как бы без усилий.

Королева отступила еще на шаг, я задержал дыхание, сосредоточился, клинок тут же засверкал в моей руке, вращаясь быстрее крыльев мельницы под ураганным ветром.

Я перебрасывал его в левую руку и вращал на той стороне, показывал веерную защиту, снова неуловимо быстро возвращал в правую, уже отдохнувшую чуть, и вертел во всех направлениях снова, наконец отработанным движением забросил клинок в узкую щель ножен и поклонился королеве, стараясь не показывать, что сердце вот-вот выпрыгнет от чрезмерных для диванного героя усилий.

Она покачала головой, королевская невозмутимость не слетела, но еще чуть отступила, глаза расширились в изумлении.

– Такого еще не видела, – проговорила она. – Совсем не предполагала, что ты великий воин! Возможно, величайший... Так владеть оружием... это невероятно...

Я проговорил, подпустив в голос иронии:

– У меня много талантов, ваше величество... Настолько много, что могу позволить себе не выпячивать их, а жить свинья свиньей, что вполне в духе времени тотальной демократии и пофиги... тьфу, пацифизма.

– Но... зачем?

Я пожал плечами. Она посмотрела в одно окно, медленно прошла ко второму. На безукоризненном лице ни страха, ни смятения, а когда заговорила хорошо контролируемым голосом, в нем прозвучал всего лишь слабый интерес:

– А где твой конь? Вообще не вижу конюшни.

Я развел руками:

– Увы, ваше величество, я уже говорил, человек слишком бедный...

– Настолько, – переспросила она с насмешливым недоверием, – что даже коня держать не в состоянии?

Я смиренно развел руками:

– Увы...

Она сказала с отвращением:

– Да как ты живешь? Как можно жить без коня?..

– Не представляю, – согласился я. – Как вообще жить?.. В ужасном мире живем, ваше величество! Да еще и в ужасное время.

Она насторожилась.

– А что происходит?

– Да все происходит, – ответил я упавшим голосом. – У нас любое время ужасное. Это у вас там все поют от счастья, а у нас постоянно стонут.

Она вскинула брови, посмотрела внимательно и с сочувствием повторила в задумчивости:

– Если даже коня нет, то что за мужчина без коня?

– И без меча за плечами, – согласился я убито. – А когда меч на стене, то это уже и не меч, ваше величество! Это бывший меч. Да и вообще пеший конному не гусь с бантиком!

По телестене пробежала рябь, я не среагировал, и тут же во множестве окошек побежали кадры последних новостей с фронтов последних боев в Румынии, Чаде и Саудовской Аравии, бегущие с автоматами в руках люди падают, взрывами разносит танки и бронетранспортеры, суперголкипер Чэд берет мяч в пенальти от самого Паларта, Лиза Чича получает Оскара за лучшую постельную сцену...

– Убрать, – сказал я коротко.

Экран погас, королева быстро взглянула на меня.

– Это демоны?

– Хуже, – ответил я, увидел ее непонимающий взгляд, пояснил: – Люди на службе демонов. Они хуже любых демонов. Демоны могучи, но туповаты, а люди... ваше величество знает, способны на все. Куда там демонам!

– А как зовут вашего главного демона? – спросила она.

– Демократия, – сказал я. – В прошлом она совсем недавно звалась золотым тельцом.

– Странное имя, – произнесла она озадаченно. – Сперва мужское, потом женское?

Я ухмыльнулся.

– А у нас поменять пол – раз плюнуть!.. Некоторые по два раза в год меняют. А есть вообще бесполое, так им все охренело.

– У вашего главного демона власть только над золотом?

– И прочими активами, – пояснил я, – а это значит, над всем на свете. Люди гибнут за мета-а-а-алл! За золото, значит. Его гнусное влияние.

Она произнесла невесело:

– У нас этому демону не поклоняются, но он, похоже, своих слуг заслал и к нам. Каким заклинанием создаешь этот странный свет в доме?

Я пожал плечами.

– С какой стати буду лично создавать или гасить свет? Я что, все еще в пещерном веке прозябываю?

Она переспросила:

– Это тоже делают демоны?

– А кто еще? – нагло сказал я. – Не мое дело царя природы заниматься такой мелочью. Человек должен быть высвобожден...

Она сказала с уважением:

– О, да!.. Представляю, какие дела ты свершаешь. Переложив все дела на мелких демонов, освободивших от рутины, ты совершаешь... что ты совершаешь?

Я ответил с достоинством:

– Лежу на диване!.. Красиво лежу. Могу на спине, могу на боку. Даже на пузе, хотя на пузе и неудобно. В детстве было нормуль, а шас не то, хотя и пузо пока что не отросло... У меня даже кубики можно увидеть в хорошую погоду и при мощном освещении!

Она посмотрела с непониманием, настоящая средневековая дура, переспросила:

– Лежишь... это отдыхаешь после трудных походов? После битв с драконами?.. Или горными великанами?

– Ну да, – промямлил я, – после, ага... бывает до сотни мобов замочишь за день, а то и пару рейдов в подземелья успеваю, а там пока все не очистишь, не выберешься.

Она посмотрела с уважением.

– А здесь на диване залечиваешь раны?

Я отмахнулся.

– С собой обычно беру хилера. Если нет человека, то питомца, а если и того нет – запасаюсь абилками. Чтоб на ходу прямо в бою... ну, не истечь кровью, а продолжать сражение, так радующее тех, кто смотрит со стороны.

– Тогда ты великий воин, – сказала она. – И заслуживаешь, чтобы мелкие демоны выполняли здесь всю работу.

– Да, – согласился я чуть-чуть пристыженно. – Я такой. Только тупое человечество все еще не замечает моего величия!

Она огляделась.

– А какие еще великие дела свершаешь, если так долго потом отдыхаешь на этом роскошном диване?

– Мля, – сказал я, плямкнул еще раз, но лучшая защита – нападение, посмотрел на нее с подчеркнутым недоверием. – По большей части я на секретной службе... что значит, не о всех подвигах имею право рассказывать. Во избежание.

Она посмотрела озадаченно, потом взор внезапно прояснился.

– Во избежание дипломатических скандалов?..

– Ну типа того.

Настойчиво звякнул скайп. Я оглянулся, королева завороченно рассматривает что-то на экране телестены в соседней комнате, торопливо врубил связь, на экране появилось лицо Влада.

– Ты чего? – спросил он. – Мы уже полчаса ждем тебя!

– Извини, – ответил я быстро, – не могу.

– Что стряслось?.. Работу получил?

– И работу, – ответил я, – а с нею та-а-акие неприятности...

– А что родители?

– Они добавили, – сказал я. – Так что извини, веселитесь без меня. Как-нибудь в другой раз.

Королева надменно спросила из гостиной:

– Что это за женщина?

Я поспешно вырубил скайп, обернулся. Она внимательно рассматривает групповой снимок, где я с Владом и Томасом играем в теннис против моей матери и Кириллы.

– Да так, – ответил я, – это я со своей девушкой, а это моя мать со своим... парнем.

Она снова устремила пытливый взгляд на снимок.

– Художник слишком приукрасил твою мать, – сказала она, – она же здесь почти твоя ровесница!

– Она такая и есть, – ответил я. – Хотя это неважно.

Она повернула голову в мою сторону.

– Твоя мать колдунья?

– Все женщины ведьмы, – сообщил я. – А что?.. Лишь бы человек был хороший. У нас политкорректность.

– Где она сейчас?

– Кто?

– Твоя мать.

Я взглянул на часы.

– Думаю, летит над океаном.

– Летит?

– Да, – ответил я. – Там тысяча миль. Быстрее перелететь, чем плыть... Но ты не волнуйся, у нее своя жизнь, к нам не нагрянет.

Она произнесла задумчиво:

– Может быть, мне, как королеве-изгнаннице... нет, королеве-беглянке, попросить помощи у ваших правителей?

Я сказал с радостным злорадством:

– Прекрасный вариант! Вас сразу под международный трибунал! Пиночета и за меньшее засадили, а потом замучили! Не знаю, что с вами сделают, но в самом лучшем случае либо в тюрьме удавят, как Милошевича, либо повесят, как Саддама, а то и раздерут на части, как Каддафи...

Она охнула.

– За что?

– За неправильный строй, – отрезал я. – Морить народ в каменоломнях – это что?.. Я был, знаю. За то, что меня заставили камень ломать, я могу вас здесь заставить не только посуду мыть, но даже и не знаю что!.. По моральному праву, если есть такое...

Она зябко передернула плечами.

– Да, это плохая идея. Меня уничтожат, чтобы захватить мое королевство.

– А если еще отыщут нефть, – подхватил я, – то и население перебьют, потому что террористы.

– Кто такие террористы?

– А все, в чьих землях есть залежи нефти. Нефть – эта наша магия.

Она подошла к входной двери, оглянувшись.

– А выйти во двор можно?

– Все можно, – сообщил я, – чего нельзя. Только двигайтесь по-королевски медленно и осторожно. Чтоб я успел, если что. И как.

Глава 5

Участок у меня самый лучший на свете: здесь не ступала нога человека, потому что дед тоже им не заморачивался, предпочитая жить в городской квартире. Бурьян мощный, озверелый, наглый и варварски немодифицированный в нечто культурное.

– Ты герой, – произнесла она задумчиво, – тебе некогда заниматься садом... Ты еще не завоевал себе принцессу, что разводила бы розы и сажала цветы.

– Станет принцесса цветы сажать, – буркнул я. – Сперва ляжет на диван и начнет по инету заказывать наряды, потом упорхнет в турне по ночным клубам...

Она сошла с крыльца, брусчатка только перед крыльцом и узкая полоска для автомобиля до ворот, а все остальное, как на дикой планете.

Я указал на дальний заборчик, слишком низкий, перепрыгнуть легко хоть козе, хоть зайцу, потому там электрозащита от любых диких животных, что совсем обнаглели от безнаказанности, даже палкой нельзя стукнуть свинью, что разрывает цветочную клумбу в поисках желудей, или дать пинка газели, нагло жрущей чайные розы вдоль дорожки...

– Там тоже защита. По всему периметру. Шарахнет, глаза вылезут. И морщинки появятся.

Она вздрогнула.

– Защита от демонов?

– Да, – согласился я, – от демонов. А для вас, ваше величество, это предупреждение. Там в доме стукнуло легко, а вот потом...

Она вздрогнула.

– Это было легко?

– В следующий раз либо убьет, – сообщил я, – либо сделает дряхлой старухой.

Она поспешно отступила.

– Но у тебя здесь мог разместиться прекрасный сад, – произнесла она уже ровным и по-королевски равнодушным голосом. – Крохотный, но удивительный. Как удалось отвоевать такое безопасное место в мире демонов?

Я отмахнулся.

– Демоны захватили все города. Крупные, очень крупные и даже мелкие. А в такие пустые места они заходить брезгают, здесь добычи маловато... Но все-таки заходят!

Она вздрогнула.

– И как тогда?

– Прячемся, – ответил я. – Скоро демоны расплодятся, друг на друге сидеть будут. И тогда людям конец.

– Но пока что тебе служат могучие демоны.

– Некоторым, – сказал я скромно, – удастся устроиться и в этом жестоком мире. Ваше величество, я бы посоветовал вам... удалиться в дом.

Она быстро повела глазами в стороны.

– Опасность?

– Только вам, – любезно сказал я. – Здесь опасность всюду. Это жестокий мир, ваше величество.

– Могут напасть сверху?

– Им сверху видно все, – сказал я.

– Скрыться можно только в доме?

– В доме тоже видно все, – сообщил я, – но уже не всем, а только золотому тельцу. А под открытым небом нас видят все, кто пожелает взглянуть. Надеюсь, я все-таки большинству еще неинтересен.

Она повернулась, пошла по ступенькам к распахнутой двери, но на пороге оглянулась.

– Что-то придумал?

– Насчет чего... Ах да, пока осваиваю материал, – ответил я. – Теории суперструн, всеерных вселенных, проколы пространства, телепортация, черная материя, темная энергия, свиная лихорадка... везде говорится, что это невозможно...

Она сказала резко:

– Но мы прошли!

– Вот-вот, – согласился я. – Мы прошли. А значит, есть какой-то путь. Не волнуйтесь, ваше величество, чтоб мы да не нашли?... Хотите вина?

– Не изволю, – отрезала она. – Ищи путь! Обязан быть.

– Обязан, – согласился я, – но даже если нет, прорубим. Я из страны прорубывателей окон в Европу и ворот к океану. А еще отрубывателей голов всяких там, что вам понравится особенно.

– Мне это не нравится, – отрезала она. – Не люблю проливать кровь!

– Предпочитаете вешать? – сказал я понимающе. – Да, это гуманно. В общем, я уже набрал две тыщи идей и вариантов, начинаю отсеивать.

Она красиво и величественно уселась во главе стола, выпрямилась, обвела взглядом гостиную.

– Здесь мимо... Это что там за ваза?... Поставь ее сюда на середину стола!

Я фыркнул, она взглянула на мое лицо, осеклась. Я перевел дыхание и ответил со всей вежливостью:

– Поставлю, ваше величество... Но не потому, что вы королева.

Она надменно задрала подбородок.

– А почему?

– Красивая, – пояснил я. – Красивым всегда хочется угодить. И хотя ваша красота, ваше величество, какая-то мерзкая, но... все-таки красота, признаю. На мисс Вселенную не годитесь, там простые смазливые дурочки, а вот на рекламу бриллиантов и шляпок от Сраччи... да, там бы вы затмили тех светских львиц.

Она произнесла с подчеркнутым равнодушием:

– Ваши красавицы? На них взглянуть можно в этом магическом зеркале?

– Можно, – ответил я, – они для этого себя и выставляют. Вот, например, Моника Вагина, это вот Лиззи Пизни... а это...

Я двигал пальцами, на экране возникали самые-самые, что рекламируют бриллианты, королева рассматривала их с женской тщательностью, наконец произнесла с холодком в контролируемом голосе:

– Некоторые да, годятся.

– Для чего?

– Для фрейлин, – объяснила она. – Я бы взяла вон тех двух. Пообтесать немного, а то грубовато смотрятся... И вульгарно.

– Нет достоинства? – подсказал я.

– Точно, – согласилась она. – Из простонародья?

– С улицы, – ответил я. – Откуда им знать манеры? Перед каждым фотоснимком им говорят, как держать спину, плечи, повернуть голову... Но вообще-то от этих раритетов уже отошли. Виртуальные фотомодели куда круче... Ваше величество, отведайте эти пирожные! Вы таких и не пробовали. Даже я не пробовал.

Она взглянула с подозрением.

– А ты почему?

– Каждый день появляются десятки новых, – признался я. – Прогресс не стоит на месте. Это насчет освоения планет не спешат, а вот как набить брюхо или получить еще как-то удовольствие, методов все больше... но про новейшие умолчу.

Замигал сигнал вызова, я сказал с раздражением:

– Я же велел всех отключить!

На экране появилась Аня Межелайтис, брови высоко вскинуты, улыбочка ехидная, блин, ненавижу, пора сменить на Ниту Жо или Маньку Сисячку, они еще сексуальнее, а, главное, податливее, что для нас важнее даже размера бюста.

– Всех, – переспросила она с намеком, – и работников социальной службы?

Я молча ругнулся, посмотрел на соседний экран, чья камера смотрит в сторону ворот. С той стороны забора подкатил шикарный автомобиль, дверца поднялась вверх, бодро выпрыгнул круглолицый мужчина в деловом костюме, несмотря на жару, и направился к калитке моего участка.

– Пропустить, – сказал я сквозь зубы. Сказать, что никого дома, не удастся, у них тоже отслеживается движение по всему коттеджному поселку. Как бы в интересах нашей безопасности, а то вдруг свалюсь с сердечным приступом или сломаю сразу обе ноги и буду ползать, загребая землю передними. – Но только во двор. Дверь закроешь и заблокируешь.

Она почти пропела прежним ехидным тоном:

– Понимаю-понимаю.

Я вышел во двор, участок у меня крохотный, всего полгектара, мужчина вошел через распахнувшиеся перед ним ворота, на лице профессиональная улыбка, под мышкой папка с бумагами, это для авторитета, уже сто лет все хранят данные в облаках.

Он заулыбался еще шире, когда я пошел навстречу. Я тоже постарался выдавить улыбку, ненавижу социальщиков, жаждут сделать мою жизнь лучше, пусть даже это расплющит меня, как жабу танком, демократы хреновы.

– Хорошая погодка, не правда ли? – сказал он жизнерадостно. – Я – Серж Айвенго, старший консультант социальной службы.

– Прекрасная погода, – подтвердил я, сказать что-то иное было бы непростительной в демократичном обществе грубостью, – просто замечательная. Что у меня не так? Трава не подстрижена?

Он отмахнулся.

– Это пусть заботит моих коллег по другому отделу.

– Золотые слова, – сказал я.

– А я, – заявил он победным голосом, – из департамента строительства. Могу предложить две тысячи образцов домов современной, ультрасовременной и транспостовой архитектуры...

– Не интересуюсь, – отрезал я твердым голосом.

Он сказал хитро:

– Все бесплатно!

– Ага, так и поверил.

– Входит, – объяснил он, – в минимальный социальный пакет.

– Я старомоден, – пояснил я. – Этот дом мне достался от деда, а тому от его деда, что еще Мамай гонял по Куликову с Дмитрием Галицким... или Волынским, не помню.

Он воскликнул:

– Это замечательно! Особенно сейчас, когда такое внимание к истокам и устьям!.. В нашем ассортименте есть не меньше двухсот типов построек по мотивам скифских мечтаний, киммерийских легенд, старорусских былин и боярских усадеб...

– Нет, – сказал я непреклонно, – это память о деде, а он был странным таким скифом, скифом-сарматом с переходом в некоторую хазарскую славянскость...

– У них это тоже есть, – заявил работник социальной службы с победным оттенком в голосе. – Все учтено.

– Однако это уже не то, – сказал я и увидел, как его глаза округлились, смотрит уже через мое плечо. – Мне даже камешки и доски старые дороже новых...

Все же оглянувшись, королева вышла на крыльцо и, красиво облокотившись на белые перила веранды, смотрит в сторону главной дороги поселка.

Соцработник все поглядывал на королеву, наконец проговорил, понизив голос:

– Понимаю ваше стремление быть оригинальным... но мне кажется, женщины такого класса все же предпочитают более... как бы сказать точнее...

Я оглянувшись на королеву, в самом деле королева, этот Айвенго прав, гораздо естественнее смотрелась бы на супердорогой яхте или во дворце, выстроенном лично для нее мульти-миллиардером.

– Ей не важно место, – ответил я с достоинством, – со мной хорошо и в шалаше, если вы помните эту поговорку. Главное, чтобы человек был хороший. А я, по ее словам, просто замечательный.

Он вздохнул, лицо профессионально омрачилось.

– Тогда зайдем с другого конца, если позволите...

– А если не позволю? – буркнул я.

Он понимающе усмехнулся, дескать, ах какая оригинальная шутка.

– Дело в том, – сказал с таким видом крайнего сожаления, словно хоронит тещу и старается не рассмеяться, – что облик вашего дома очень даже портит общий ансамбль коттеджного поселка.

– Ха, – сказал я, – украшает!.. Они же все как из инкубатора!

– Увы, – сказал он со вздохом. – При всей своей оригинальности, еще раз увы, весьма выбивается из общего ряда.

Я сказал победно:

– Ну вот, сами признаете, что украшает!

Он вздохнул.

– Как вы помните, мы все вынуждены жить мирно и счастливо в правовом, демократическом обществе, где все равны. Вы должны быть открыты миру. Если не возражаете против запрета вешать на окна занавески, то тем более не можете спорить с желанием общества видеть вас чистым, хорошо выбритым и опрятно одетым.

Я буркнул:

– Ну?

Он снова бросил украдкой взгляд в сторону небрежно отдыхающей королевы.

– Ваш дом тоже должен быть опрятен. В вашем поселке две тысячи участков, дома разной степени элитарности, но ваш не просто наихудший! Он уже неделю как за красной чертой, понимаете?

Я сказал с подозрением:

– Что-то ваша черта слишком быстро поднимается.

– Общество становится богаче, – напомнил он. – Как только робот занимает место человека, продукции выдается вдесятеро больше! Правительство не может столько средств направлять на освоение космоса и коллайдеры, а воевать уже не получается! Приходится повышать благосостояние граждан.

– Я протестую, – сказал я. – Не хочу быть буржуем. Нельзя стать буржуем и оставаться человеком Флинта!

Он хитро улыбнулся.

– Еще как можно!

– Можно, – согласился я, – это так брякнул, не подумав про наших олигархов. Однако я, как романтик и бунтарь...

Он вздохнул.

– Простите, что перебую. Наш разговор записывается, как вы понимаете. Суд увидит, что вы предупреждены. Потому если в течение трех дней не перестроите дом так, чтобы он соответствовал высоким стандартам вашего поселка и нашего гуманного общества, мы будем вынуждены его снести... и поставить уже по своему выбору.

Я стиснул челюсти, эта гребаная демократия не дает нам жизни, процедил с ненавистью:

– Давайте ваши проекты!

К счастью, бумаги он доставать не стал, развернул рулонный дисплей и начал примитивно прогонять по экрану пальцем фото различных домиков, как одноэтажных, так и трехэтажных.

Я ткнул пальцем.

– Вот этот... нет-нет, мотните взад на пару штук... Вот этот! Так и быть, это убожество стерплю.

Он мягко улыбнулся, прямо Манилов какой-то на две трети и на треть Чичиков.

– Все дома в поселке разные, но все-таки... все-таки должны быть в одном стиле. Понимаете?

– Нет, – ответил я.

– Никаких небоскребов, – пояснил он, – что испортят вид и внесут когнитивный диссонанс.

– Я выбрал небоскреб?

– Нет, – признал он, – но это из ряда вон. Вам обновят дом по социальному пособию, а это значит, никаких излишеств и наворотов. Простой двухэтажный дом где-то от двухсот восьмидесяти квадратных метров, это минимум, ниже опускаться нельзя, и не больше четырехсот двадцати. Выбор у вас может быть только в этих пределах.

Я поморщился, но спорить бесполезно, я не один такой умный, у них наготове отработанные санкции.

– Ладно... сколько это займет?

Он взглянул на старинные часы, расположенные на запястье.

– С учетом того, что своего принтера в вашем поселке нет, придется везти из Красных Орлов... это займет не меньше часа. Плюс двадцать минут на остывание и затверждение... Мебель можно заказать сразу. Подождут, даже если прибудут на пять минут раньше... Рекомендую взять свою красивую женщину в полуторачасовую поездку... нет, лучше в двухчасовую, вы же знаете, всегда не успевают уложиться как в смету, как и во временные рамки.

Я скривился, посмотрел на небо, ни одного облачка, но с королевой на море не съездишь, как и вообще к воде, ни за что не покажет ноги, будто у нее там и в самом деле копыта, как у царицы Савской.

– Вы уверены, – спросил я, – что уложатся в два часа?

Он поспешно кивнул.

– Абсолютно! Даже абсолютнейше!.. Но на всякий случай, в жизни бывает всякое, придумайте, чем себя занять в городе часа на три-четыре. Строители, как марсиане, у них никогда ничего не бывает вовремя.

Я махнул рукой.

– Ладно. Распоряжайтесь. Меня, считайте, уже нет.

Глава 6

Он тут же начал так азартно постукивать пальцами одной руки по планшету, что тот в испуге свернулся в тонкую трубочку, а я пошел к дому, где королева изволит величественно созерцать окрестности, словно там готовится великий праздник в ее честь.

– Ваше величество...

Она бесстрастно взглянула мне в лицо.

– Да?

– Нам придется на некоторое время покинуть этот дом, – сообщил я угрюмо.

Она поинтересовалась с тем же подчеркнутым равнодушием, за которым я все-таки сумел разглядеть, я же проницательный, скрытую тревогу:

– Тебя изгоняют?

– У нас не выгоняют, – ответил я. – Напротив, больше денег дают! Чтобы не. Такое общество.

– Тогда что?

Я сказал с небрежностью:

– Я же не знал, что вы у меня окажетесь... гостьей, на сегодня велел прибыть рабочим. Сменят дом, приведут в порядок участок... Все по мелочи, все по мелочи. Не волнуйтесь, у нас это занимает не столетия, и даже не годы.

– А сколько?

– К вечеру успеют, – сообщил я.

Он вскинула брови.

– Тогда пусть при нас...

Я прервал:

– Нет, будут как бы даже ломать стены. Почти. А может, как-то иначе, не царское это дело – влезать в такие мелочи!

Она посмотрела несколько странно, но ничего не сказала, только после паузы промолвила:

– Я готова.

– Великолепно, – сказал я с великим облегчением. – Женщина бы собиралась целый день... Как хорошо, что вы не она самая, ваше величество! И ног у вас точно нет. Позвольте распахнуть перед вами двери?

Она промолчала, будто знает, двери в моем мире распахиваются перед своими сами.

– Тираннозаврик! – крикнул я. – Морденон, ко мне!

Ящеренок перестал печально заглядывать в свою пустую мисочку, ринулся, стуча коготками, ко мне и в мгновение ока взобрался по штанине, где я его подхватил на ручки.

Королева смотрела на страшноватое чудовище, хоть и карликовое, с женской брезгливостью, что и понятно, если уж они не любят почему-то таких милых теплых и мягких существ, как мышки.

– Ты и эту тварь берешь с собой?

– Это не тварь, – сообщил я. – Это бывший царь природы... в каком-то меловом или триасовом периоде. Или в эре. Что это такое, не знаю, но слышал, мы все теперь наслышаны и навидены.

– Имя, – заметила она, – у него странное.

– Это не имя, – объяснил я. – Имя еще не придумал. Тираннозавр – его королевская порода! Потом отрастут крылья, и будет тираннозавр с крыльями, здорово?

Она поморщилась.

– Однажды сожжет тебе дом. А то и тебя вместе с ним. И улетит.

– Не улетит, – сказал я с неуверенностью, – а улетит... У нас все имеют право на самовыражение, достойную жизнь, избирать и быть избранным. Скоро и дельфины его получают, только вот еще не придумали, как урны для бюллетеней им таскать на морское дно, потому у нас президент еще не дельфин, у них же большинство, а всяк своего толкает...

Она вышла из дома по-королевски замедленно и величественно, что вообще-то правильно: успевает все увидеть, оценить и принять решение.

Глядя на нее, и я замедлил свой простонародный шаг и сошел с крыльца медленно и печально.

Мой старенький автомобиль не понимает жестов, иногда игнорирует даже ДУ, дескать, не прямо в его сторону направлен, потому я кнопку пульта прикрепляю на краешек воротника, а сейчас нащупал ее, не глядя, и велел негромко:

– К крыльцу.

Ворота гаража поднялись, мой «Инфинити» выкатился бодро, мигнул и, проехав два метра, остановился у крыльца, что почти рядом с гаражом.

– Двери, – сказал я злым голосом, туповатое у меня авто, могло бы распахнуть и раньше, беда с этими устаревшими моделями.

Автомобиль подумал и нехотя распахнул обе дверцы со стороны передних сидений. Этот дурак больше практически ничего и не умеет, как только распахивать двери, да еще сам паркуется, он вообще застал те дикие времена, когда и того делать не умели, это я потом апгрейдил, но дальше уже некуда, база не та.

Королева смотрела с бесстрастным, хоть и напряженным вниманием. Я подошел справа, жестом пригласил ее величество извожить приблизиться.

– Прошу вас, ваше величество... вот сюда... так... садитесь-садитесь. Кресло само отодвинется, здесь пол как бы скользкий... и наклонится, оно умнее, чем некоторые люди... теперь позвольте застегнуть вам ремень...

– Уберите руки, – произнесла она брезгливо.

– Это ремень безопасности, – пояснил я. – Чтобы вы не. Вот смотрите, я тоже безопаснюсь...

Она внимательно смотрела, как я вытягиваю ремень и защелкиваю пряжку.

– Зачем?

– Если враг нападет, – пояснил я, – если темная сила нагрянет... это чтоб нас не выдернули отсюда. Внезапно!

Она проговорила с пониманием:

– Могут попытаться похитить?

– Да, – подтвердил я. – Есть у нас такие, похитисты. Пока сумеют перерезать ремень, вы им глазки повыщарпываете.

Она поморщилась.

– Я не царапаюсь.

– Да, – согласился я, – кусаться надежнее.

Она потащила на себя ремень, я протянул руку, чтобы помочь, она повторила брезгливо:

– Убери лапы. Я видела, как ты это делал.

Я тупо смотрел, как пристегнулась, хотя долго не могла защелкнуть, пока не догадалась выпустить замочек из ладони, а там он сам нашел гнездо и звучным щелчком доложил, что закрепился, все в порядке.

– Отлично, – сказал я с облегчением. – Ваше величество... держитесь... никакой паники, хорошо? Вы же королева, а не деревенская лошадь.

Я сел на свое место, ворота в заборе не отпрыгнули, а по старинке медленно и величаво отъехали, а когда мы пронеслись мимо, еще некоторое время соображали, прежде чем начать обратное движение.

Автомобиль медленно покатило по широкой дороге, по обе стороны элегантные коттеджи, за ажурными палисадниками плодовые деревья, кустарники, разгуливают фазаны и павлины.

На повороте еще больше сбросил скорость, в любой момент из калитки может выбежать ребенок и помчаться через дорогу.

Королева скосила на меня свои нечеловечески прозрачные глаза.

– А где твой меч?.. – прозвучал ее холодный голос. – Почему не в доспехах?

Поморщившись, я объяснил терпеливо:

– Ваше величество, чем власть крепче, тем меньше преступников. У нас демократия, это значит, никто и шагу не сделает без разрешения Короля Демонов. Король видит все, потому преступников уничтожает сразу, как только те берут ножи и выходят на улицу.

– Это правильно, – сообщила она.

Я покосился на ее напряженное лицо.

– Король короля всегда поддержит, ваше величество?..

Она ответила холодно:

– Уничтожать нужно только первое время. А когда народ увидит, что преступники уничтожаются всегда, даже самые отъявленные предпочтут рубить лес или пахать землю.

– Хорошо бы так, – вздохнул я. – А то всегда есть часть романтиков, уверены, что у них точно получится... С другой стороны, это единицы. В целом же преступность уничтожена, потому все без мечей и доспехов. Более того...

– Что?

– Выйти с мечом и в доспехах, – сказал я назидательно, – это вызов! Король Демонов предпочитает управлять безоружным народом.

Она обронила:

– Вполне уместное желание.

– Почему?

– Если власть крепка, – объяснила она свысока, – она берет на себя полную защиту. И отвечает за безопасность своего народа. А если люди вынуждены защищать себя сами, это говорит о слабости государя. Это так просто, что поймут даже ваши мыши. И тебе, если натужишься, должно быть понятно... Или все еще нет?

Я сказал с сарказмом:

– А вот и непонятно. Закон все усиливается, власть Короля Демонов растет, но пока не станет абсолютной, мы должны иметь право носить оружие.

Она слегка поморщилась.

– Вы сперва друг друга перебьете. Без всяких преступников. Соседи убивают друг друга уже за то, что корова сломала забор или свинья пролезла в чужой огород и что-то там порыла...

Я промолчал, тоже права, и вообще жизнь какая-то непонятная, все правы и все не правы понемножку, справедливости нет, а есть только где ее больше, где меньше, нигде абсолютной правоты или абсолютной неправоты, чего так жадется в нашем бунтарском возрасте.

На выезде шлагбаум, но авто лишь набрал скорость, зная, что нас увидели издали и уже дали команду открыть дорогу.

Дорога повела через поле с кустами деревьев, королева как вросла в кресло, пальцы на подлокотниках побелели, а когда по обе стороны замелькали толстые стволы, проговорила с трудом:

– Твоя повозка... никого не собьет?

– Она следит, – пояснил я, – как за дорогой, так и за теми, кто на обочине... Это еще ничего!

На выезде на шоссе мы вынеслись на скорости, королева произнесла деревянным голосом:

– Ты оставил того человека в своем доме?

– Это мой управляющий, – сообщил я небрежно, – приведет дом в порядок за время нашего отсутствия... Кстати, как вам удалось выйти из дома?

– Дверь оказалась закрыта, – сообщила она, – но на ту сторону дома еще одна, та меня выпустила... еще и что-то сказала, но я не поняла. А на эту сторону я прошла по веранде. Она у тебя очень красивая. Чувствуется, ты нанял лучших мастеров вашего королевства!

– Само собой, – буркнул я. Настроение испортилось, подзабыл, что есть еще и задняя дверь, которой вообще-то не пользуюсь, на задней части двора только бурьян по пояс. Нужно быть внимательнее, а то просмотрю и что-нить поважнее. – Но тут у нас одни... гм... олигархи. Вон какие домищи!

– Красивые, – согласилась она. – Только сами поместья мелкие.

– У нас урожайность высокая, – ответил я. – Потому и. И вообще!

Она скосила глаза, наблюдая, как я открываю бардачок и достаю оттуда темные очки.

– Что это?

– Защита для глаз, – пояснил я. – Ваше величество, вам стоит надеть сие. На лицо. В смысле, на глаза. Давайте покажу...

Она посмотрела в недоумении.

– Зачем?

– Во-первых, – ответил я, – спасение от солнца. У нас оно одно, вредит, как все три. Иначе вам придется щуриться, появятся морщинки, а это так важно, так важно, хотя и не понимаю, почему. Во-вторых, темные очки носят, чтобы оставаться неузнанными. Короли, когда идут в народ, звезды кино или спорта, гангстеры, неверные мужья...

Она выдернула у меня из пальцев очки.

– Достаточно и «во-первых». Так?

Она обратила на меня требовательный взгляд.

– Получилось, – согласился я.

Она запнулась, засмотревшись на памятник слева у дороги, где на вздыбленном коне некий бронзовый полководец властно указывает вытянутой вперед дланью то ли на вражеские полчища, то ли на крепость, которую нужно взять, разграбить, женщин изнасиловать, а мужчин убить, но сейчас в той стороне только ухоженный парк с выложенными камнем дорожками под могучими липами, кленами и каштанами.

– Это кто?

Я пожал плечами.

– Не знаю.

Она посмотрела на меня с сомнением.

– Почему? Ты его не любишь? Вы с ним враждовали?

Я сказал раздраженно:

– Ваше величество, это седая древность!.. Где-то лет двести тому поставили, откуда мне знать, кто это? Можно с другой стороны зайти, там табличка с надписью.

Она покачала головой.

– Странно... вы так похожи.

– Да ну?

– Я бы сказала, – произнесла она задумчиво, – вы родственники.

Я с недоверием посмотрел на ее лицо, точно не шутит, хотел взглянуть на памятник, но уже проехали. В самом деле сотни раз проезжаю мимо, ну памятник и памятник, принимаю как данность, прибывшую из прошлых веков, два или три века тому назад поставили, мужик в

доспехах на коне, в голову не приходило всматриваться в лицо бронзового исполина. У мужчин не лицо главное, а чтобы под седлом боевой конь, а в руке длинный меч...

Глава 7

Я покосился на ее исполненное достоинства лицо. Даже в роскошном кресле автомобиля, откинувшись на спинку, сидит с таким выражением, словно принимает послов иностранных держав.

Правда, я уже присмотрелся, могу замечать тщательно скрываемое напряжение и звериную настороженность, однако воспитание не позволяет вскрикивать, отпрыгивать, демонстрировать неподобающие для королевы эмоции, в каком бы непривычном месте ни оказалась.

Не выезжая на шоссе, я сразу свернул на проселочную, идеально ровный асфальт, хотя всего две полосы, по обе стороны понеслись навстречу столбы.

Пальцы королевы на подлокотниках побелели еще сильнее, но что значит умение себя держать, успела заметить мой взгляд и тут же ослабила хватку, хотя, думаю, ей за это время не стало менее страшно.

– Ваше величество, – сказал я легко, – в этой повозке безопасно, уверяю вас и ваше величественное величество.

Она произнесла ровно:

– Скорость... не слишком?

– Повозка сама за нею следит, – сообщил я. – Не королевское это дело, как бы вот. Достаточно и того, что вожжи у моей особи. Да, вот это круглое – вожжи. Мода у нас такая!.. Ибо век железный. У вас бронзовый, у нас железный.

Она обронила:

– У нас железный. Просто в нашем королевстве железной руды очень мало.

– Зато меди и олова с избытком? – спросил я. – Тогда нужно наладить взаимовыгодную торговлю. Хотя, конечно, хитрые короли постараются не дать вам доступа к стратегически важным ресурсам...

Слушая меня, она понемногу расслабилась, ничего не случается, повозка несется стремительно, но не трясет, словно катится по идеально ровному полу в зале королевских приемов.

Я спросил легко:

– Музыку?... Какую?

Она посмотрела с недоверием:

– У тебя и здесь целый оркестр из демонов?

– Это мелкие демоны, – сообщил я. – Служивые. Они только играть и петь умеют. Ограниченные, как все люди этой профессии. Что-то повеселее? Или печальное?

Она покачала головой.

– Ничего.

– Может быть, – поинтересовался я, – марши? Королевские?

Она снова качнула.

– Это мешает думать... Хотя погоди. Королевские?

– Да, – сообщил я. – Есть «Боже, храни королеву», есть «Боже, храни царя», даже «Королевская застольная».

Она милостиво кивнула.

– На твой выбор. Кроме застольной, конечно.

– Только не рубите голову, – попросил я, – если не сумею угодить. У меня проблемы с классикой. Мне, как психически здоровому мужчине, главное, чтобы погромче!.. Врубаю «Королевская честь». Но если что не так, велите сменить. У нас демоны послушные, исполнительные, хоть и капризные.

Музыка пошла мощная, объемная, королева даже веки опустила, то ли вслушиваясь, то ли делая вид, что вслушивается, а сама тем временем строит какие-то козни, женщины все время этим занимаются во вред человечеству и людям.

Хотя, возможно, старается таким образом не сойти с ума от мелькающих по обе стороны дороги деревьев, хотя вообще-то ползем, мы же не на магистрали, я нарочито свернул в сторону от цивилизации.

Чемпионат мира по футболу в следующем году, это значит, сейчас вся страна живет подготовкой к этому величайшему событию в мировой истории человечества, с которым может соперничать разве что чемпионат по хоккею, в который теперь играют и афроамериканцы по всему афрочерному континенту.

Отец как-то рассказывал, что совсем недавно футбол смотрели только мужчины, но автоматизация труда высвобождает каждый день новые миллионы якобы работающих, потому сейчас даже хоть какую-то работу или ее видимость не удастся придумать, потому так стремительно растет единственная сфера труда: индустрия развлечений и спорта.

Все массы выброшенных на улицу надо чем-то занять, это римский плебс кричал «Хлеба и зрелищ», а сейчас все уволенные обеспечены хлебом с маслом на всю жизнь, также жильем, одеждой и сохранением жалованья, нужно только зрелищ, зрелищ побольше.

Так что подготовка к чемпионатам мира, будь это футбол или плевки на дальность, начинается за несколько лет, строятся особые стадионы и здания, прокладывают особо комфортные дороги и перебрасывают через реки мосты, а миллионы молоденьких девушек начинают отрабатывать особые прыжки и танцы, которыми будут забавлять публику в перерывах между соревнованиями.

Любой чемпионат, даже районного масштаба, привлекает любителей реальных зрелищ, а уж во время чемпионатов мира всяк забывает про пять-десять войн, что постоянно гремят на окраинах нашего цивилизованного мира, перемалывая дивизии и сравнивая с землей города, давая почти такое же по насыщенности адреналином зрелище.

Потому на дороге почти никого не встретили, кроме трех машин, что пронеслись на большой скорости, да еще одна обогнала, но вся черная, даже окон не видно, словно отлитый из одного куска металла болид, хотя, конечно, для следящих за дорогой камер нет тайн. Видят не только номер, но и кто внутри, тут же моментально сверяя их лица с картотекой разыскиваемых преступников.

После пяти минут асфальта автомобиль съехал на проселочную дорогу с нарочито оставленной глубоко вдавленной колеей, ямками и постоянным вилянием, чтобы объехать пень или колоду, это для любителей нетронутой природы.

Скорость пришлось сбросить до пятнадцати в час, но озеро уже видно издали. Я посмотрел по сторонам, дорога безлюдная и безавтомобильная, сказал негромко:

– Убрать верх.

Мягко шелкнуло, крыша автомобиля сложилась в гармошку и покорно уползла в небольшую щелочку, сверху радостно заблестало синее небо, а солнце опустило на затылок и плечи теплые ладони.

Озеро совсем дикое, с той стороны густой камыш и даже широкие листья неких растений, а с этой галька, уходящая дальше в чистую прозрачную воду так, что видно и на большой глубине.

Конечно, я-то знаю, что месяц тому никакого озера не было и в помине, но кто-то сказал, что надо бы, и дизайнеры сдизайнерили скромненько и со вкусом. Даже с дороги, по которой завозили материалы, убрали асфальт и основательно поковыряли для естественности ямками.

Королева вышла без опаски, широко вдохнула чистый свежий воздух, хотя на самом деле в жилищах он еще чище и свежее, но женскую дурь и палкой не выбьешь, хотя вообще-то и мы, люди, такие же.

– Старомодное озеро, – объяснил я с гордостью. – По самым изысканным лекалам.

Она обратила на меня вопрошающий взгляд.

– Старомодное?

– Сейчас в тренде лягушки, – объяснил я. – Настало их время. Разводят, выставляют на конкурсы хорового пения. Бывают такие слаженные группы, что даже я балдею, как от сала... Вон там, слышите?

Она повернула голову, ясные глаза медленно устремили взор на скопище широких мясистых листьев кувшинок, где начали собираться лягушки, лягушонки и лягушищи. То одна, то другая негромко поквакивает, пробуя и прочищая голос перед совместной спевкой, усаживаются поудобнее.

– Странный у вас мир, – проговорила она.

– Оставайтесь, – предложил я, прекрасно зная, что откажется и почему откажется. – Ваше величество, вам понравится.

– Я нужна там, – ответила она ровно. – Без меня королевство ждут потрясения.

– Потрясения могут быть и хорошие, – заметил я.

Она покачала головой.

– Потрясение – плохо всегда. Ищи, как мне вернуться. Ты же мужчина! Ты должен.

– Да, конечно, – пообещал я. – Сперва думательный этап, это такое подготовительное мероприятие, потом прощупывание возможностей, а затем и завершающий этап. Пока что начинаю осторожненько переходить к первому. Медленно, чтобы не надорваться.

– Надо быстро, – сказала она отрывисто. – Могу не успеть.

– Неужели так плохо? – спросил я. – Мне кажется, большинство высших глердов вам преданы. Мяффнер, Иршир, Хоткингард...

Я запнулся, подыскивая имена, она смотрела с грустной иронией, хотя и по-прежнему свысока.

– И все?

– Просто я знаю очень немногих, – сказал я, защищаясь, – по крайней мере, Руперт Картер вам предан, а это немаловажно. Еще ваш человек Тархантер...

Она снова посмотрела свысока.

– Тархантер? Ты говоришь о герцоге Тархантере?

– Ну да, – сказал я. – Такому любителю охоты никакие потрясения не нужны. Присядьте вон сюда, ваше величество... Это покрывало, не пугайтесь, такое не совсем покрывалистое с виду, но это покрывало, накрывало и даже укрывало. Высокие технологии, в смысле, сложно-составное колдовство с примесью магии и волшебства...

Она посмотрела вроде бы с сомнением, или это мне только показалось, как я набросил на декоративное толстое бревно, что должно создавать иллюзию слияния с природой, тонкую кисею.

Кисея на глазах распухла в толстое покрывало толщиной с зимнее одеяло, а то и перину. Я ожидал, что королева на всякий случай для проверки потыкает пальцем, но не унизилась до такого простонародного жеста, для королевы подданные должны готовить самое лучшее и правильное, села спокойно и царственно, спина все такая же прямая и даже ровная.

Ящеренок, осмелев, начал слезать с моего плеча, задержался на коленке, на ходу опасно осматривается, мордочку поднял и жадно пронюхивает странные запахи чужого мира.

Я следил за ним, как он осторожно опустил переднюю лапу и щупает землю, а остальными тремя вцепился в штанину еще крепче.

Вдруг, я не успел крикнуть, прыгнул, ухватил в трех дюймах от моей ноги пробегающую жужелицу.

– Фу! – рявкнул я. – Плюнь!

Он повернул ко мне голову, в полураскрытой пасти торчат только задние ноги жука, сглотнул и посмотрел на меня с самым невинным и даже обиженным видом: тебе что, для меня и жука жалко?

– Дурачок, – сказал я с тревогой, – а вдруг наша еда для тебя закручена в другую сторону?

Королева посмотрела на ящеренка, на меня.

– Это... как?

Я отмахнулся.

– Не берите в голову, ваше величество. Человек не свинья, ест все, а животные – существа нежные, чуткие, отзывчивые... У него может быть несварение желудка.

Она наморщила нос.

– Не издохнет.

Я взял ящеренка на руки, почесал ногтем спинку, перевернул и погладил толстое белое пузо с нежной бархатистой кожицей.

– Если все нормально, то... гм...

– Что?

– Тогда наши миры когда-то были одним, – сказал я. – Одним целым. Но случилась какая-то вселенская катастрофа... темная материя начала расслаиваться... или разделяться, как амeba... в общем, теперь два мира вместо одного.

Она рассеянным взглядом окинула озеро, в нем ничего нового, обычное средневековое озеро.

– Как, – перепросила она, – кто-кто?

– Амeba, – пояснил я, – это такое существо, каким мужчины хотят видеть женщину. По характеру. Хотя вообще-то вы такие и есть... Не вы, ваше величество, естественно! Вы – кремeнь. Да и какая женщина усидит на троне? Только с мужским характером, как пиво. Так вот моя гениальная идея объясняет многое... Даже все на свете, ибо она, скажу без ложной скромности, универсальна! Потому там и здесь люди, а не осьминоги или гигантопитеки.

– А как, – спросила она озадаченно, – одна земля могла разделиться на две? Кстати, разрешаю тебе сесть. Вот там, не ближе.

Я поклонился.

– Спасибо, ваше величество!.. Ах, как спасибо. Могли же велеть утопиться, вы же добрая.

Она покачала головой.

– Нет, сперва верни меня в мой мир. Но как наши миры могли быть одним?

Я воскликнул с укором:

– Ваше величество!.. Это уже частности, недостойные высокой мысли. В науке возможно все. Обосновывают только слабаки! Но мы видим, что, несмотря на космические расстояния, мы с вами все еще похожи!

Она в задумчивости провела ладонью по щеке, словно проверяя, в самом ли деле у нее такая же щетина, как у меня.

– Ладно, давай подумаем лучше о моем возвращении. В королевстве неспокойно. Тархантер не только тебя обманул, что ни о чем другом не думает, кроме как об охоте!.. Многие и в столице так думают.

Глава 8

– Сперва поедим, – сообщил я. – Когда выезжают на природу, сразу начинают есть. Как в поезде!.. Делать же больше нечего, потому едят и пьют... Вот и мы тоже. Не люди, что ли? Да и вы так ближе к народу в моем простоватом лице.

Она поморщилась, но не сказала ни слова, а я расстелил на траве немнущуюся скатерть из полиграфена, роскошно пушистую, невесомую, что укрыла траву и неровности почвы, образовав почти идеально ровную столешницу.

Когда вытаскивал из багажника складной мангал, королева вскрикнула:

– Демон!.. Сверху!

Я дернулся, шарахнулся затылком о крышку багажника. Королева указывает в небо, я не успел всмотреться, она сказала быстро:

– Сейчас нападет!.. Отбиться сумеешь?

Я всмотрелся, дрон стремительно идет со стороны солнца, не сразу и рассмотришь, через минуту завис над нами и опустил на траву рядом с автомобилем.

Королева не двигается, я же самец, должен драться, а я, щупая шишку на затылке, шагнул к дрону, поднял крышку квадратного туловища.

– Ага, – сказал я, – все верно... шампанское, десять пирожных, мороженое трех видов, мясо для шашлыков... вроде бы не совсем верно замоченное в белом вине?.. Ладно, это я придирчив, потому что эстет, у меня же вкусы...

Вытащив все, нажал кнопку «Заказ принят», вернул крышку на место. Дрон моментально приподнялся на суставчатых ногах, подпрыгнул и унесся в небо уже по крутой дуге.

Королева, стараясь делать это незаметно, перевела дух.

– Говоришь, – произнесла она с сомнением, – демоны завоевали ваш мир?

– Еще как, – подтвердил я. – Думаете, прислуживают?.. Взамен мы отдали свои бессмертные души! И почти прекратили размножаться, а ведь Творец нашего мира дал нам заповеди, где первая и самая главная гласила: плодитесь и размножайтесь... Ваше величество, можете переселиться сюда. Эта скатерть растягивается на несколько метров, это у нас ярды такие, только побольше.

Она смотрела, как я сел на край, оставив еду в центре, подумала и, подойдя с другой стороны, села просто и по-женски грациозно, хотя и с должным величием и строгостью в лице.

И тут же сказала ровным голосом, но с затаенной горечью:

– Умеет прикинуться, умеет... И все ему верят!

– Чему, – спросил я, – что он завалил Финнегана? Тьфу, кабана, похожего на Финнегана?

– Что он охотник, – ответила она скупно.

– А он... не...

– Герцог Тархантер, – произнесла она жестко, – ненавидит охоту. А прикидывается охотником... сам догадайся, ты же смысленый... как недавно показалось. Или мне только показалось?

Я в изумлении отшатнулся.

– Зачем? Какой толк?

Она объяснила с явным презрением на лице, так объясняют только самым тупым:

– Если человек страстно увлечен охотой, от него не ждут захвата власти.

– Логично, – ответил я. – Он уже нашел свои радости.

– Он это и создает, – отрезала она. – Это... впечатление! Чтоб все так думали. Род Тархантера владеет несметными лесами, все его предки были заядлыми охотниками, замок весь в трофеях, потому ему легко делать вид, что и он тоже... все от него этого ждут, на самом деле уже несколько лет копает под законную власть...

– Под ваш трон? – уточнил я ядовито.

– Мой трон получен законно, – отрезала она. – Я дочь королевы. Или ты вообще против женщин на троне?

Я протестующе выставил ладони.

– Нет-нет, что вы, ваше величество! У нас была женщина, ее правление так и называли «золотым веком». И не только в нашем королевстве. А что герцог Хоткинггард?

Она вздохнула.

– Это еще та сволочь. У него нет прав на трон, как у Тархантера, но есть сильный характер, изворотливый ум и умение пользоваться человеческими слабостями.

– А Тархантер не умеет?

– Тархантер, – сказала она, – обожает говорить о себе, а Хоткинггард умеет говорить о собеседнике. А еще постоянно льстит, тем нравится, так что Хоткинггард создает себе репутацию умного и понимающего человека.

– А он понимает только, – сказал я, – как их дергать за ниточки? Мне он тоже не понравился... Ого, узнаю этот взгляд. Как это я осмеливаюсь обсуждать глердов? Вы же такие благородные... Не то, что мы, серые и безответные.

Он ошарашил меня таким взглядом, что даже мурашки пробежали по телу огромной злой стаей.

– Не прикидывайся.

– Я?

– Ты, – отрезала она. – Думаешь, не понимаю?

– Что?

– У простолюдина, – заявила она, – не может быть такой власти над могущественными демонами!

Я отмахнулся с мужской скромностью, что паче гордыни.

– Да какие могущественные... Так, мелочь. Сбегай, принеси, подай, подотри... Я ж говорю, мы отдали души. Хотя многим зачем они? Только жить мешают.

Она зевнула, оглянулась на автомобиль.

– Я бы лучше посмотрела в те волшебные зеркала... Или здесь это нельзя?

Я изумился:

– Почему нельзя? Все можно!.. Я думал, природа будет интереснее вашему величеству.

Она взглянула в недоумении.

– Природа? Почему?

– Все мы, – пояснил я, – выезжая на природу, стараемся забыть про опостылевшую цивилизацию. Хотя я просто забыл, у вас этой природы хоть... в общем, много. Хорошо, подождите минутку, я щас как бы прям расшибусь в коровью лепешку для вашего величества, но все устрою.

В машине у меня, как у всякого, есть и планшет. Королева молча смотрела, как принес и раздвигаю перед ней, пока не щелкнуло, предел, значит, у меня старая модель, шире пятидесяти дюймов не получается, но королева впечатлена, хоть и по-королевски не показывает вида.

– Вот тут выбираем каналы, – сказал я, – но вам это рановато... Даже и не знаю, что предложить... Новости хайтека, загадки темных звезд, темная материя... а, вот это подойдет!..

Она в недоумении всматривалась в буйство красок, я включил как раз показы мод, они теперь идут раз в неделю, а зрителей набирается больше, чем на чемпионаты мира по боксу.

Сейчас время такое, хорошее, когда одеты все кто как, пришла эпоха, которую одни называют безмодьем, другие всемодьем, теперь можно встретить на улицах не только готов и панков, но даже римских патрициев или амазонок в тигровых шкурах. Одно время экстремалы пытались ходить вообще голыми, но даже в самых толерантных обществах возмутились, хотя не за мораль, кто с ней считается, а за то, что разносят свои бациллы, потому гениталии и

даже сиськи закрывать обязательно, а кто нарушает, с того за первую попытку сдирают крупный штраф, а со второго раза отправляют в места, где такие же живут своим обществом на обнесенном высоким забором пространстве.

Выйди королева на улицу, на нее будут поглядывать с интересом, но не за ее богатый наряд, а из-за надменной красоты, тут уж признаю, в самом деле королева, как по внешности, так и по манере держаться.

Она произнесла холодно:

– Не понимаю... Почему все так... слишком?

Я всмотрелся, как она смотрит на экран, показалось вдруг, что вот так взять и понять, судя по ее лицу, ничего не может. Мне даже почудилось, что для нее на экране только чередование светлых и темных пятен, как для собак и кошек, однако же она, как оказалось, узнает лица на экране, однако не улавливает смысла не то что фильмов, но даже простого репортажа.

Оказывается, наше умение воспринимать быстрые смены общего плана и крупного – это не врожденное, а воспитываемое долго с детства, воспитываемого незаметно, как вот еще совсем недавно дети принимали мобильники и компы как должное, а люди старшего поколения и мобильниками пользовались с опаской, и компов чурались.

– Давайте, – сказал я, – покажу что-нить попроще...

– Не королевское? – осведомилась она надменно. – А не унизит ли это мое достоинство?

– Ну, скажем, виды природы, – сказал я. – Как они могут оскорбить?.. Жвачник! Найти мою папку с видами природы. На экран с интервалом в секунду... нет, две... пусть даже пять секунд!

– Принято, – ответило с экрана. – Папка с файлами природы...

Королева вздохнула с облегчением, когда появился статический кадр, великолепный лес с картинными деревьями, проселочная дорога, синее небо...

Лес уступил место красочному водопаду, что широкой струей ниспадает с большой высоты в небольшой бассейн внизу, небо такое же синее, подсвеченные заходящим солнцем скалы...

– Нравится? – спросил я.

– Очень красиво, – ответила она, забыв поблагодарить, но все верно, королевы слуг не благодарят. – Да, красиво...

Я отошел в сторону, чтобы не мешать, сел и, растянув мобильник в стороны на десять дюймов, принялся выискивать в инете хоть какие-то зацепки, хоть намек на то, как выкрутиться и как-то да вернуть ее в свой мир. Пусть и дальше королевствует, не мое дело вмешиваться в сбалансированные экосистемы, где одно завязано на другое, а то на третье. Я никогда в жизни не совал палку в муравейник, не разорял птичьих гнезд, потому правильным вернуть эту змею...

Королева повернула голову в мою сторону.

– Ты что-то сказал?

Я буркнул:

– Я сказал вслух?.. Ну да, это мудрые мысли рвутся наружу из моей широко зажатой души. Все думаю, как вернуть ваше величество в ваш мурашник. Вы же там вроде матки у муравьев, без вас все нарушится! А пока выберут новую, будут мятежи, восстания, баронская фронда и непомерные требования вольностей...

Она смотрела исподлобья, процедила сквозь зубы:

– Ничего не поняла. Вроде бы говоришь, как человек, и слова знакомые, но смысла в них нет.

– Это я к тому, – пояснил я, – чтобы вы не сомневались в моей жажде вернуть вас. В самом деле. Всеми фибрами.

Она сказала с готовностью:

– Я готова.

– Только как? – спросил я раздраженно.

– Ты мужчина, – напомнила она мне то, что я вроде бы и сам знаю, но она точно имеет в виду что-то другое... ах да, что мужчина обязан бдить и защищать женщин. Нет уж, да здравствует демократия с ее равноправием, сраной толерантностью и политкорректностью, что делает жизнь все-таки хоть и стыдной, но легкой и приятной.

– Понял, – ответил я угрюмо. – Работаю над этой проблемой, ваше величество!

– Трудись, – разрешила она величаво, – будешь поощрен.

– Спасибо, ваше величество, – ответил я. – Спасибо, что не вдавили!

Она снова повернулась к экрану, а я погуглил насчет трансформации материи, перехода материи во время и обратно в пространство, такая интересная хрень, голова кругом, кто-то ж выдает такое на-гора, еще и деньги получает, сказал бы еще, как применить в реальности, не прячась за терминами вроде супермегаблинлазера...

С того края озера в нашу сторону повернули двое лебедей, белоснежные красавцы с королевскими осанками, царственно неподвижные, гордые, не плывут, а скользят по водной глади, совершенно не прилагая усилий, хотя, конечно, там внизу вовсю работают красными лапами с перепонками.

Королева даже не обратила на них внимания, подумаешь, лебеди, это дело крестьян их бить, потрошить, ощипывать и привозить на королевскую кухню, чтобы так подали для королевского стола.

Я пробормотал:

– Если их не кормить, издохнут?.. Они ж сами уже давно разучились корм искать...

Королева посмотрела на меня в недоумении, а я, положив раздвинутый смартфон на траву, сходил к автомобилю и вернулся с пакетом еды.

– Придется кормить, – сказал я со вздохом. – Ваше величество, не изволите вместе с лебедями? Они такие красивые... Пока не вылезают на берег, конечно.

Она посмотрела на меня с неприязнью.

– Нет, – ответила хрустально-чистым голосом, – не изволю.

И снова повернулась к экрану, я слегка дернулся, снова моя неряшливость: в папку с видами красивейших мест природы попали и фотки старинных замков, маяков и даже снимки кинозвезд и фотомоделей.

Оставив у самого края воды саморазрушающуюся коробку с едой, я шагнул к королеве, намереваясь предложить посмотреть что-то еще, косплей какой-нибудь или кошечек, но она сама повернулась в мою сторону.

– Почему, – произнесла с холодным недоумением, – у этих женщин такой цвет лица?

Я не сразу сообразил, что имеет в виду, ответил с таким же недоумением:

– Загорели. Под солнцем. Разве не видно?

– Видно, – ответила она высокомерно, – но почему одни простолюдинки? А в каких дворах живут люди благородного происхождения?

– Это и есть благородные, – ответил я хмуро. – Благороднее не бывает.

Она сказала с достоинством и по-женски педантично:

– Женщина благородного происхождения и правильного воспитания поведения не должна позволять лучам солнца попадать на лицо.

– Почему?

Она объяснила холодно:

– Будет похожа на простолюдинку в поле!.. Или служанку. А это недопустимо.

– Ах да, – сказал я саркастически, – у вас же благородство можно увидеть только по загару, есть он или нет, а так все свиньи свиньями! А у нас благородство выказывают манерами, умением себя вести, держаться в обществе, не хамить, не тыкать своим происхождением...

потому что оно ничего не значит, как будто у благородных людей не могут родиться дети-подонки!

Она нахмурилась, я видел, как борется, готовая возразить, но удержали от спора то ли страх, то ли женская хитрость, не знаю, не до того, голова пухнет от диких идей, как вернуть эту дуру в ее дурное королевство и забыть этот кошмар.

– А почему вот эти женщины легкого поведения, – проговорила она, – все голые или почти голые?

– Там пляж, – объяснил я. – Вон река, видите, ваше величество? В одежде не купаются. И утонуть можно, и плавать неудобно. А самое главное, конечно, на пляже вся на виду, и сразу видно, прямая у нее спина или горбатая, отвисает живот или подвязала шарфом, есть на коже отвратительные пятна или нет...

Она вспыхнула.

– Ты хочешь сказать, у нас женщины уродливые?

– Хочу сказать, – ответил я дипломатично, – даже сказал, что у вас уродливых не отличишь от красивых!.. У вас все скрыто! И кто женится, тот покупает кота в мешке! Разве это честно?

Она поморщилась.

– У нас достойные женщины. А здесь только легкого и очень легкого поведения. Обще-доступные, верно?

– Верно, – согласился я.

– А почему они все так любят показываться... я правильно сказала?.. лежа?

– А вашему величеству догадаться трудно? – спросил я с издевкой. – Полагают, что так выглядят... интереснее. Когда лежа, как понимаете, грудь не свисает, а чтоб не слишком сдвинулась в стороны, как бывает с очень крупной и основательно размятой, можно как бы невзначай придержать локтями, а то и откровенно ладонями.

Она снова осмотрела слайды очень внимательно.

– А что, вот так особенно интересны?

Я пожал плечами.

– Эти дуры полагают, что да, очень даже. Ну, вы же знаете, ваше величество, женщины все дуры. Если что в голову одной взбредет, другие тут же переймут и сделают вид, что сами додумались. Потому все такие одинаковые, как из инкубатора.

Она брезгливо передернула плечами.

– Как хорошо, что я не женщина!

– Вообще-то у женщин набор поз очень невелик, – сообщил я. – Это особенно видно, когда запустишь вот такое слайд-шоу. Не больше четырех-пяти, а каждая дает небольшие корреляции в количестве двух-трех штук. Но основных все-таки четыре-пять. Может быть, даже меньше.

– А почему многие прижимают к груди пушистые игрушки?

– Косят под малолеток, – объяснил я. – Многие из мужчин предпочитают помоложе, еще моложе, а иные так и вовсе цапают несовершеннолетних. Эти, что с мишками, рассчитывают на педофилов, что наравне с инцестом и скотоложством было признано расширенной нормой гуманного и демократического общества.

– А чего вон та закусила ожерелье? – не унималась она. – Это же некрасиво – брать его в рот!

– Зато можно показать зубки, – возразил я. – Вон, дескать, какие, белые и ровные, как жемчужинки в ожерелье!.. Заодно и губы, а еще и рот приоткроет, влажный и зовущий...

Она пробормотала в недоумении:

– А рот зачем?

Я взглянул на ее средневековое лицо, замялся.

– Да так... дуры просто. У дур всегда рот приоткрыт. Потому и пользуются спросом. Ваше величество, у вас на свежем воздухе аппетит еще не разыгрался?.. Сейчас шашлычки будут готовы.

Она вскинула брови, в голосе прозвучала настороженность:

– Что это?

– Куски мяса на прутиках, – объяснил я, – жарятся на углях. Как у дикарей и принято!.. Хочу вас чем-то родным обрадовать.

Она посмотрела на меня с сомнением.

– Здесь нет ни мяса, ни дров...

– Не беспокойтесь, ваше величество, – сказал я бодро. – Все будет! Вы пока досматривайте слайд-шоу, а я тут мигом...

Глава 9

Она в самом деле повернулась к экрану, а я вытащил из багажника древесный уголь, у меня полмешка осталось с прошлого раза, в субботу собирались с братвой оттянуться тут же на озере...

Наверное, простого человека слишком быстро тащим в хайтековское будущее. Чем технологичнее работа и квартира, тем с большей охотой выбирают вот так «на природу», мечтают жить в лесу в шалаше, в отпуск едут в самые дикие места, на байдарках спускаются по опасным горным речушкам...

Для самого массового бегства в приятную дикость существуют эти выезды на шашлыки. Я потыкал в экран мобильного, экран сразу показал спрятанные в кустах мангалы и шашлычницы с набором шампуров, это для дикарей, что вообще приходят пешком, но у меня все в багажнике, а вытащить и разложить до нормальных размеров занимает пару минут.

Она поглядывала иногда, как я из крохотной коробочки сделал большую, вытянул суставчатые ножки и установил ящик мангала на комфортной высоте, чтобы готовить, не нагибая спину.

Едва насыпал древесный уголь, он вспыхнул сам, в мангале чувствительное дно из особого сплава. Нанизав мясо с дольками лука, я повернулся к королеве, дальше пойдет само, шампуры будут проворачиваться, а нагрев отрубится, когда мясо будет готово.

Королева при всей ее величественности... или величавости, надменности и высокомерии, все сильнее выдает в себе женскую основу, что невозможно увидеть в ее мире.

Там все знакомо, а здесь, в непонятном и страшноватом мире, в первую очередь замечает женщин, и в первую очередь ненавидит их.

По ее лицу всякий раз пробегало выражение неудовольствия, когда появлялась очередная кинозвезда или фотомоделка, а при виде красоток на пляже или в спальне вообще вздрагивала и кривилась.

– Ваше величество, – сказал я, – в чужой монастырь не ходят со своим уставом. Уверен, в королевствах Гельмия, Пиксия, Дронтарий или еще в каких-то женщины одеваются как-то иначе, чем в королевстве Нижних Долин.

– Нигде не ходят обнаженными! – возразила она. – Даже в самых-самых борделях!

– А у нас весь мир бордель, – сообщил я. – И слово «распутная женщина» вычеркнуто, так как все женщины стали распутными, это стало нормой, и принято считать, что это хорошо. Даже те, кто с этим боролся, согласились, что да, вообще-то хорошо и так удобно, так удобно...

За спиной послышался шорох. Я оглянулся, лебеди выбрались на берег и, тяжело ступая широкими лягушачьими лапами, двинулись к нам, тяжело переваливаясь с боку на бок, словно перегруженные грузовики на узких колесах.

– Прожоры, – сказал я. – Ладно, сейчас дам еще...

Лебеди прекрасны только в воде, а когда выходят на берег, то самые толстожопые гуси рядом с ними кажутся верхом изящества и грации, но мы толерантны от природы, любим не только красивых детей, уродливых ласкаем даже больше, так что достал последний бутерброд и сунул самцу в пасть.

– На!.. И королеве своей дай.

Лебедь грузно повернулся к нам мокрым толстым задом со слипшимися перьями, лебедиха пошла рядом, а уже у самой воды он выронил бутерброд, и они принялись расклеивать добычу.

Королева сказала ровным голосом:

– Демоны не истребили эту красоту?

– Демонам красота по фигу, – сообщил я.

– А что им нужно?

– Рациональность. Правильность. Торжество закона... Да много чего, но это неважно...

– А что важно?

Я потянул ноздрями.

– Важно то, что шашлычками уже пахнет... Еще пара минут, и можно начинать жрать. Если, конечно, ваше величество не предпочитает с кровью, а то в наших религиозных запретах нельзя с кровью, там проходит граница между людьми дикими и цивилизованными...

Шампуры не отличишь от деревянных прутьев, кое-где даже кора как бы не содрана, это для любителей дикости и естественности, но мне важнее то, что остывают мгновенно, не обожжешься.

Я с преувеличенно почтительнейшим поклоном передал первый шампур с ломтиками жареного мяса королеве, у женщин отсутствует чувство юмора, во всяком случае у высокопоставленных, она приняла как должное и мой поклон, и все мои ужимки, мне даже стало почти неловко, я снял другой как бы прут и сел на бревно, но на самый дальний конец.

Она ела неспешно, ухитряясь даже процесс пожирания мяса делать с королевским достоинством, взгляд не отрывался от экрана, где сменяются кадры красоток, останавливаясь с каждой на пять секунд.

– Женщины предпочитают, – пояснил я, посмотрел на нее и поспешно уточнил: – Женщины нашего мира предпочитают смотреть на мужчин снизу вверх. Так удобнее, тем самым внушают им мысль быть увереннее, ведь они сильнее, они хозяева жизни, ну же, не трусь, ты же видишь, я уже лежу и смотрю на тебя с пугливым ожиданием...

Она поморщилась.

– Это отвратительно! Неважно, кто сильнее, но выказывать это нельзя... так откровенно.

Я посмотрел на нее с удивленным уважением.

– Ох... ваше величество, а ведь это основа политкорректности! Кто бы подумал, что ее корни идут из такой мохнатой и дикой древности... Вот так и узнаешь порочащие наше общество сведения... Простите, забыл предложить вам вина, это просто преступление с моей стороны. Скажу в оправдание, что в нашем мире идет такая мощная пропаганда здорового образа жизни, что вот эта штучка на моем запястье подсчитывает, сколько я выпил и съел, и тут же ябедничает Главному Демону... ну, не самому главному, но все-таки крупному, а тот набрасывает штрафные баллы... Увы, демоны следят, следят за каждым.

Она кивнула на экран.

– А не развратных женщин у вас нет?

– Только в колыбели, – сообщил я. – А эти вот взрослые, гм... Видите, поза выбирается в зависимости от того, у кого что круче. У кого сиськи большие, те ложатся вот так, смотрите на эту, а у кого мелковаты, зато жопа большая и оттопыренная, то обязательно этим местом кверху и смотрят вот как эта, видите, ваше величество?

Она посмотрела, ее передернуло в сильнейшем омерзении.

– Отвратительно!.. Как можно так унижать женщину?

– Это их право, – возразил я, – и желание! Они уверены, как уже и мы, что ничего в этом унижительного нет, а совсем напротив... Как только слово «сексуальная» перестало быть ругательством и оскорблением, а без всякого перехода стало комплиментом, то все женщины, как можно догадаться, тут же...

Она вздрогнула.

– Прекрати!.. Ты что-нибудь придумал, как мне вернуться?

– Думаю, – ответил я. – У меня голова такая, что все время думаю. Даже в неподходящие моменты.

– И что придумал?

– Что надо придумать, – заверил я. – А это уже половина успеха! Даже больше. Все-таки раньше варианты были насчет психушки, утопить в ванной, закопать в саду, скормить опарышам... Шучу-шучу, ваше величество! Сейчас в нашем сытом и благополучном мире в тренде черный и даже черняющий юмор. Как бы для равновесия. Сейчас даже светлые в виртуале сражаются за Темных Властелинов! Переели сладкого, так хочется дерьма глотнуть...

Она поморщилась, перестала жевать и хотела опустить шампур с оставшимися ломтиками мяса, но я вскрикнул в раскаянии:

– Ваше величество, простите, занесло на повороте! Кто же не любит быструю... ага, еду, потому и случается!.. Позвольте капну соусом... Просто чудо, а не соус...

Она величественно позволила, я капнул пахучей жидкостью на каждый из ломтиков, аромат обалденный, смотрел, как она так же царственно и с достоинством ест, кто бы мог подумать, что и это можно проделывать так грациозно и по-королевски.

– Все равно, – произнесла она. – Я могу постараться представить себе жизнь в вашем королевстве, у королей должны быть широкие взгляды и огромная терпимость, но что-то в ваших женщинах глубоко неправильное.

Я пожал плечами.

– Одни просто рассчитывают на завлекательность своего юного женского тела, другие умело выставляют самые лакомые места, а самые хитрые и опытные еще и пускаются на разные трюки: то в коробке из-под пиццы сфоткаются, то детское платьице наденут... Роль обиженной девочки самое то! В вашем мире, ваше величество, такую тут же бросились бы все защищать...

– А в твоём?

Я вздохнул.

– В моем жестоком мире, признаю, нам себя бы защитить. Потому женщины вынуждены защищать себя сами, воевать сами, работать сами, чтобы обеспечить себя и детей...

Она воскликнула с презрением:

– У вас мужчины такие ничтожные?

– Ну-у-у, – возразил я, – это на первый взгляд. Правда, на второй тоже. И на все остальные. Просто жизнь так усложнилась, что мужчины уже не в состоянии все тянуть на себе. Сперва начали перекладывать на женщин ту работу, что попроще, затем более сложную... наконец, уравнили их во всех правах, а потом и обязанностях, с мужчинами. Это не от хорошей жизни, вы правы... хоть и не правы.

Она напомнила холодно:

– Я королева! Значит, права всегда.

Я поколебался, спросил остороженько:

– Ваше величество, а как насчет обращаться к вам по имени... если мы окажемся не одни? Мне бы хотелось сохранить ваш титул в тайне. А вам?

Она повела в мою сторону грозными очами.

– Почему вдруг?

– Короли, – сказал я, – это такая редкость, что могут... ну, к примеру, захватить вас в плен, а там обижать и мучить, требуя выкупа. А какой я выкуп могу?.. А то, что смогу, вас так обидит, что и выкупаться не возжелаете, у вас же и гордость должна быть королевская? А до вашего королевства за выкупом не дотянутся...

Я промолчал, что в ее королевстве могут и не дать выкупа, если требование попадет к заговорщикам. Только обрадуются, что королева сама попала в какую-то ловушку.

Судя по ее помрачневшему лицу, о таком подумала тоже, подняла на меня тяжелый, как горный хребет, взгляд.

Выждав минуту, так королевское достоинство смотрится выше и значительнее, произнесла холодно:

– Только в случае самой крайней необходимости. В виде исключения... как здесь принято, чтобы не стать слишком заметными... но только при посторонних!

– Ваше величество, – сказал я терпеливо, – в моем предполагаемом обращении по имени нет ничего оскорбительного или унижающего вас. Также нет и намека на попытку сближения. Скажу откровенно, я лучше начну флиртовать с гремучей змеей, чем с вами.

Она вскинула подбородок и ожгла меня взглядом. Не знаю, как это получается: лопать шашлык и оставаться такой величественно-надменной, но королеве это удается легко и естественно.

– Продолжай.

– Насчет гремучей змеи, – сказал я смиренно, – это не я придумал. В вашем дворце услышал от ваших придворных. Хотя там вас сравнивали, как мне кажется, с коброй. А еще один из высших глердов назвал вас Царицей Змей... Все, как ни странно, согласились. Единодушные у ваших придворных. Монолитные, надо признать, ваши сторонники.

Она процедила сквозь зубы:

– А не вижу в этом оскорбления.

– Правда?

Она произнесла высокомерно, держа шампур за кончики обеими руками:

– В гербе нашего рода змея в самом центре. По легенде, в глубокой древности люди жили рядом с племенем змеев. Потом среди них появилась мудрая и могучая царица, что объединила оба народа и создала первое на земле королевство.

– Мудрая была гадюка, – согласился я. – То-то вижу фамильное сходство.

Я взглянул на запястье, рекламный ролик тут же исчез, и высветилось время с точностью до секунды, остальные знаки я велел убрать еще при настройке, ну прям жить не могу без тысячных и миллионных долей вплоть до фемтосекунд.

– Ваше величество, – сказал я, – можно возвращаться.

Она поинтересовалась:

– Тебе сообщили?

– Еще нет, но...

Я переключил на номер работника социальной службы, на экране сразу же появилось его довольное лицо.

– Все готово, – заверил он. – Еще час назад!

– А что ж не сообщили?

Он хитро улыбнулся.

– Вы уехали с такой бесподобной женщиной, просто королевой... Как я мог прервать... гм... нарушить?

– Ну спасибо, – сказал я.

– Работаем все быстрее и лучше, – заверил он. – Возвращайтесь, вас ждет сюрприз.

– Спасибо, – ответил я сдержанно. – Через пятнадцать минут будем на месте.

Королева искоса наблюдала за нашим разговором, а когда я повернулся к ней и вежливо поклонился, молча поднялась и, не отряхивая платья, на это есть фрейлины, направилась к автомобилю.

Я крикнул поспешно:

– Двери!

Глава 10

Обе передние распахнулись вовремя, чтобы королева не ударилась лицом, а она неспешно села на сиденье справа, нащупала ремень и пристегнулась уже вдвое быстрее, чем в прошлый раз. Просто удивительная женщина с огромным самообладанием и все моментально схватывающая, это что за жизнь, никогда не расслабляться, никогда не позволить себе побыть просто душой... Наверное, никогда и вина не пьет. По крайней мере, крепкого, чтобы как-то ненароком не уронить королевское достоинство.

Я принес и бросил в багажник мангал и все причиндалы, а когда вернулся к своему сиденью, навигатор робко вякнул трусливым женским голоском:

– Есть еще один маршрут обратно, но чуть длиннее...

– На фига он нужен? – буркнул я.

– Зато асфальт, – пискнул навигатор. – Прямо от озера...

– Как, – ответил я, – минуя романтику проселочной?.. Да конечно, езжай, это я пошутил. Шутки не понимаешь? А еще облачный сервис. Учат вас, учат, интеллект обещают, за что налоги платим...

И хотя налоги никакие не плачу, что с безработного взять, но я ощутил себя значимее, а навигатор стыдливо умолк.

Королева сидит с каменным лицом, хотя милый женский голосок незримого демона заставил вздрогнуть, но в кресле не сдвинулась, только чуть повела глазами в мою сторону.

Автомобиль поспешно объехал озеро по периметру, там в двадцати шагах от воды уже идеальный асфальт, и бодро понесся на приличной скорости.

Попался только один перекресток со старомодным светофором, да и тот поспешно включил красный, чтобы показать нам, кто здесь хозяин.

Автомобиль остановился сам по себе, даже в старинные авто встроена эта простейшая прога, не позволяющая переть на красный.

Королева сперва смотрела вперед, потом в недоумении покосилась на меня.

– Мы не джигиты, – пояснил я со вздохом. – Сейчас загорится зеленый...

Рядом с визгом тормозов резко остановился, качнулся и застыл на месте блестящий арх-эйдж настоящего пламенного цвета, стремительный и с открытым верхом.

Две молодые женщины хохочут, что-то рассказывая друг другу, весело блестя глазами и белыми зубками. Та, что не за рулем, повернулась в нашу сторону, мгновенно оценила нас и особенно надувшуюся королеву.

– Парниша!.. – крикнула она задорно. – А у меня сиськи больше, чем у твоей!.. Смотри!

Она задрала маечку до самого горла. Обе груди в самом деле полные, крупные, налитые той горячей тяжестью, которая так хорошо ложится в наши жадно подставленные ладони.

Я показал большой палец и завистливо вздохнул. Вспыхнул зеленый свет, их машина рванулась и помчалась, набирая скорость быстрее нашей.

Королева застыла рядом на сиденье так, что не сдвигается ни на миллиметр даже при резком торможении или мгновенном наборе скорости.

Я подал машину в левый ряд, где тут же по закону подлости сразу же затормозилась, а по соседнему пошла обгонять даже всякая мелкота.

Я вздохнул с досадой и начал прикидывать, стоит ли вернуться ближе к середине шоссе или же ждать, пока здесь рассосется.

Наконец она проговорила чужим голосом:

– Это почему... она...

– Затор? – спросил я. – Либо дорогу ремонтируют впереди, потому сужение, либо один дурак царапнул другого, и теперь два дебила перегородили три полосы, выясняют, кто кому будет платить...

– Нет, – прервала она, – почему та женщина... или то была демонесса?

– Показала сиськи? – догадался я. – Ну, если такие классные, то почему не похвастаться?.. У демонесс они тоже бывают весьма...

– Но... как такое можно?

– Простая шутка, – объяснил я. – Ничего серьезного. Подразнили и умчались две горячие штучки. Обычное подростковое озорство.

– Они не подростки! Это зрелые женщины!

– И что? – удивился я. – Взрослые тоже шутят.

– Но не так же!

Я посмотрел на ее злое и даже гневное лицо.

– Ваше величество, оцените мою кротость. Я мог бы посоветовать вам засунуть свои высокие нравы себе в анус, это в задницу, чтобы понятнее и доступнее. В жопу, как говорят в королевстве Нижних Долин. Но я благороден и учтив, из всех сил терплю ваше наглое вторжение со своим уставом в наш монастырь, заметили?..

Она произнесла надменно:

– Я королева! А короли вне правил.

– Хорошо сказано, – сказал я с сарказмом. – Потому и свергают вас! Вы сами рождаете бунты и мятежи. А то и восстания. Но здесь не там, ваше величество! Мы здесь весьма тут и здесь, и вы зависите от того... как долго смогу спасти вас от здешних демонов.

Оно произнесла с прежней надменностью:

– Но я королева.

– Не моя...

– ...и женщина, – закончила она.

Я сказал победно:

– А у нас, как уже сказал, равноправие полов. Женщины сами дерутся за себя!

– У вас настолько ничтожные мужчины?

Я поморщился.

– Ну-у-у... это как посмотреть. Когда жизнь – борьба, оружие берут в руки и женщины. У нас жизнь, как в сказке, чем дальше – тем страшнее. Потому у меня нет в крови древнего поклонения перед слабостью женщины. И нет врожденного инстинкта защищать... Ваше величество, я не призываю вас принять наши законы. Я призываю не навязывать свои.

Она проговорила с брезгливостью:

– Но у меня единственно правильные!

– Ага, – сказал я едко, – еще бы. Ну, а как же. С этого и начинаются все войны... Блин, прогресс тоже с таких заявлений идеологов, ученых, политиков...

Она сказала сердито:

– Что у тебя за мания?.. У ваших женщин нет других достоинств?

Я возразил, защищаясь:

– При чем тут я?.. Это общее, как сказать, мужское... Вон смотрите, как все мужчины в волшебном зеркале инета комментируют женщин! Если сиськи мелкие, то «тема сисек не раскрыта». И везде, сами проверьте, я помогу, высшие баллы получают те, у кого сиськи не помещаются в ладони!..

– Но это же некрасиво, – воскликнула она.

– Некрасиво, – согласился я. – Хотя... как посмотреть. Если из времен тургеневских девушек, то да, а если по-современному... Знаете ли вы, что каждая третья женщина уже увеличила сиськи на пару размеров, а еще треть собирается сделать то же самое в ближайшее

время?.. То-то. И нечего мне навязывать вкусы каменного века. Тогда у вас всех вообще их не было.

– Кого?

– Их, – ответил я. – Ну, вы поняли, ваше величество.

Она произнесла с глубоким отвращением:

– Ты о чем-то еще рассуждать можешь?

– Могу, – ответил я нехотя, – но не с таким азартом, ваше величество! Человек создан для радостей. И чем радости проще, тем приятнее.

– Какой отвратительный, – сказала она холодно, – и насквозь прогнивший мир!..

– Это да, – согласился я, – гнием мы здорово и с огромным удовольствием... Но зато видно издали, что все мы здоровые и ох какие красивые! А на вас столько платьев, да еще и голова закрыта платком, любые пороки можно скрыть!.. Нет, не на вас лично, но женщины вашего королевства... просто тюрьмы ходячие!

– Ни в одном королевстве, – возразила она с достоинством, – нет таких свобод для женщин, как в нашем.

– Представляю, – пробормотал я, – какие порядки там... Ну да, вы же как бы женщина в какой-то некоторой мере! Феминизм поддерживаете, хоть и тайно. Но все равно... пока не станут сиськи показывать на улице – нет у женщин свободы! И воли тоже нет. И вообще ничего нет, потому что сколько женщине ни дай, ей всегда мало.

Она покачала головой.

– Как же тебя женщины обидели... интересно, чем?

– Всем, – отрезал я. – Музыку? «Боже, храни королеву»?

– Нет, – отрезала она.

– А что?

– Пусть играют тишину, – сказала она. – Умолкнут. Как можно думать, когда играют?

– Дикие вы, – сказал я, – думаете!.. А у нас целая индустрия работает на то, чтобы мы развлекались и ни о чем не думали...

Но музыку вырубил полностью, в самом деле не вяжется, я бездумно треплю языком, а сам все-таки ломаю голову, как бы ее взад, пусть этот кошмар закончится побыстрее...

В левом зеркале показался быстро настигающий нас огромный мощный мотоцикл, черный, как ночь, и в адских языках пламени. В седле байкер весь в черной блестящей коже и тоже как будто только что из ада.

Королева сразу, державно не поворачивая головы, скосила глаза в его сторону, а байкер, поравнявшись с нами, мотнул головой, и шлем стал прозрачным.

– Ого, – крикнул я, – привет, Веста!.. Сменила байк?

– Уже с неделю, – ответила она, живо блестя зубами. – А вы, смотрю, с озера?

Она оценивающе оглядела королеву, а та с не меньшим, хоть и тщательно скрываемым жадным интересом окинула ее цепким взглядом. Веста, жгучая брюнетка с породистым лицом уверенной женщины и крепким накачанным телом, сидит красиво и даже эротично, но с вызовом, байки пока что последние островки свободы: на них еще не удастся властям установить систему автовождения.

– С озера, – ответил я. – Репетировали кое-какие моменты.

Веста расхохоталась.

– Зная тебя, понимаю, что за моменты... Меня ты тоже возил туда репетировать. Знаешь, бросай стонать за жизнь, вливайся!.. У нас такая команда, даже из тебя сделаем человека!

Я ответить не успел, королева произнесла неожиданно:

– Вы зря с ним так...

Веста спросила с интересом:

– Как?

– Неуважительно, – ответила королева с достоинством. – Он уже офисный планктон. Веста оживилась.

– Евгений, удалось?

Я бросил злой взгляд на королеву.

– Не совсем. Я пока только феодал и граф. И у меня имение...

– С двумя сотнями крестьян, – добавила королева.

Веста понимающе расхохоталась.

– Ты тоже там?... Интересно отдыхаете!.. Но и в планктонное море стремись!

Она дрыгнула ногой, и ее унесло на байке, как низко летящую крылатую ракету, оставив нас так быстро, словно мы стоим на месте.

Королева неотрывно смотрела ей вслед. Когда заговорила, я, к своему удивлению, не услышал презрительного замечания, как ожидал, голос ее прозвучал почти печально:

– Как она похожа на Гекару...

– Кто, – не понял я, – Веста?... Хотя вообще-то... что-то есть. Да, мы ездили на озеро, но не вязались... я с такими вообще боюсь интима. Такие женщины слишком... даже слишком слишком. Я как бы поэт почти, хоть стихи и не пишу, а Веста, как и ей подобные, полагает, что самое главное достоинство для мужчины...

Я поморщился, умолк, спохватившись, зачем такое рассказываю и такому человеку, а она поторопила:

– Ну-ну?

– Умение драться, – ответил я со вздохом. – Все остальное на втором, а то и на десятом месте. Его ум, знания, умения... а это ценится, но только в отдельные периоды непрочной стабильности. Но даже и тогда считается, что драться должен уметь, иначе какой он мужчина...

Она вскинула брови.

– Все верно, иначе какой он мужчина?

– Драться умеют все, – ответил я, – даже муравьи дерутся, а человек, царь природы...

– Короли тоже дерутся, – напомнила она.

– Ну вот, – сказал я со вздохом, – а кто, казалось бы, должен подавать пример миролюбия?..

Она сказала уверенно:

– У вас все плохо, потому что королей нет!

Я пробормотал:

– Почему, у нас они тоже есть. Я же рассказывал. В отдельных королевствах. Мы милосерднее вас, не везде вырезали королевские семьи начисто. Только те, что оставлены, что-то вроде клоунов. Это шуты такие... И вообще... все это цирк!.. Народ ходит смотреть на них, как на дикарей племени мамбо-юмбо.

Ее лицо потемнело, словно на него упал отблеск грозовой тучи.

– Что-о?

– Особенно, – добавил я, – когда эти короли и королевы при всех регалиях. Можно уржаться, эти клоуны такие ва-а-а-ажные... Ваше величество, я говорю про королей нашего мира! Возможно, у вас это в самом деле достойные люди, но у нас просто дешевые актеры... хотя нет, все-таки дорогие актеры, хоть и бесталанные.

На экране навигатора поверх карты наложилось лицо хорошенькой телеведущей, она сказала быстрым, но все равно кокетливым голосом:

– Только что на перекрестке Урапитеков столкнулись две колонны трансгуманистов, что шли на митинг на площадь Согласия, и постчеловеков, те двигались к месту проведения своего митинга на площадь Единения...

На весь экран пошли сперва фото, а потом ролики яростных схваток, у той и другой стороны откуда и взялись широкие легкие щиты, в руках бейсбольные биты, началась яростная

схватка, дерутся с упоением, видеокамеры выхватывают залитые кровью головы, тела упавших, которых топчут напирющие толпы.

Появился кто-то из правительственных чиновников, спросил со строгим лицом, но ликующим голосом:

– Кто начал схватку, транс или постяки... простите, постчеловеки?

– Если посмотреть на фотофинише, – живо ответила ведущая, – что наши специалисты сейчас делают, то первый удар, опередив оппонента на сорок миллисекунд, нанес постяк, однако если учитывать град камней, то со сторон трансов первый камень на четверть секунды раньше пересек пространство между двумя уже сшибающимися колоннами мирных демонстрантов...

– Компетентные органы разберутся, – заверил чиновник, – а пока с упоением следим за происходящими беспорядками! Пользуясь случаем, заверяем население района, что им ничего не грозит. Власти города пристально следят за происходящим, потому за два часа до неожиданного столкновения усиленные наряды полиции двумя цепями обеспечивали движение колонн только по данным улицам...

На боковом экране, который врубаю очень редко, появилось разогретое до красноты лицо Бориса.

– Слышал? – крикнул он зло.

Я буркнул:

– Ага, все неожиданно и случайно, но полицию вызвали и разместили заранее. Блин, даже не скрываются...

Он наконец заметил застывшую на соседнем сиденье королеву, проглотил то, что вертелось на языке, сказал только с сердцем:

– Или дураков набрали!

– Кто сейчас не дурак? – спросил я. – Только тот, кто умен недостаточно. Проговариваться тоже можно намеренно. Зачем? Догадайся. Ты сейчас где?

– Сам догадайся!

– Понятно, – ответил я. – Снова морду набьют... Как же ты любишь это дело.

Он бросил взгляд на королеву, чуточку приосанился, а лицо сделал гордым и мужественным.

– Мужчина должен сражаться за идеалы!

Глава 11

Королева бросила в его сторону милостиво одобрительный, даже одобряющий взгляд, а Борис стал еще мужественнее и отважнее.

– А что власти? – поинтересовался я практично.

– Как всегда, – ответил он с презрением, – прошляпили, не успели, не знали, не предупредили...

– В самом деле не предупредили?

Он отмахнулся.

– Да все предупредили. Только в последний момент оказалось, что впереди ремонтируют дорогу, у нас их будут ремонтировать даже когда Солнце превратится в красный гигант... или в карлик, не помню, но знаю. В общем, пришлось пойти по параллельной, а те киборгоидные гады тоже сдвинулись в нашу сторону.

Королева делает вид, что не прислушивается к нашему непонятному разговору, по ее лицу вижу, что Борис в ее представлении герой, сражающийся за какие-то рыцарские идеалы, а я вот некое говно за рулем.

– И в одно, – спросил я, – и то же время?

– Да, – сказал он обозленно, – хотя власти и заявляют, что время было разнесено на три часа разницы, столкнуться на перекрестке никак не могли, но...

– Одни запоздали, а другие поспешили?

Он кивнул с видом великого стратега, который недопонят современниками.

– Как всегда, Евгений, как всегда. Человеческий фактор! Иногда думаю, что эти постяки быстрее придут к точности, которой так не хватает людям.

Я сказал авторитетно:

– Все было запланировано наверху! Это же ясно. Вас столкнули нарочито, идет мессинг, все масс-медиа поднимают вой, инет уже заполнен роликами с места, полно фоток с рукоприкладством, общественность негодует, во всех странах снова начнут осаждать наши посольства... Причем, как и в прошлые разы, осаждают будут транс и постяки в равной мере.

Он сказал зло:

– Точно!

– Сейчас возле посольств тоже завязываются драки, – сказал я. – Можешь проверить.

Он скосил глаза, рассматривая нечто невидимое мне, посмотрел на меня с великим изумлением.

– В точку! Ты прям бабка Ванга!

– Элементарно, – сказал я с полнейшим чувством превосходства. – Не все ходят смотреть футбол, другим подай косплей, а кому-то и вот такое... Это нам хорошо, мы всеядные, а есть гребаные эстеты, им либо только футбол, либо игра в наперсток, остальное за виды искусства не признают. Правительство старается всему народу дать понятное ему удовольствие, иначе зачем мы его выбираем?

Он посмотрел в другую сторону, охнул:

– Все, исчезаю!

Экран погас, королева промолвила, не поворачивая головы:

– Очень удобное колдовство. Он далеко?

– Не очень, – ответил я, – но удобно, согласен.

– У нас так могут только великие чародеи, – сообщила она. – И только друг с другом. А у вас могут летать?

– Нет, – ответил я.

– А у нас летают, – ответила она с видом полнейшего превосходства. – Правда, тоже только чародеи.

По экрану словно огненный болид прошваркнул через нижний слой атмосферы. Не успел погаснуть, как на его месте заблестала во всей яростной красе неистовая драка. Парни сражаются уже металлическими штырями, выплыло и заняло весь экран залитое кровью лицо Бориса.

– Евгений, – крикнул он хриплым голосом, – захвати меня отсюда!

– А твой «Майбах»? – спросил я.

– Мой автоводитель, – прокричал он, – в эту зону не пройдет!

– Ага, – сказал я с удовлетворением, – человек все еще отважнее машин!

Королева молча следила, как я переключил скорость и круто развернул машину. На экране колонны демонстрантов давно перестали быть колоннами, драка разбилась на группы и даже одиночные схватки.

Я крикнул на ходу:

– Борис, выбирайся мне навстречу. Следи по маяку.

– Вижу тебя, – ответил он, тяжело дыша, – иду...

Королева посмотрела вперед, направо, налево, наконец сказала без эмоций, но с недоумением:

– Я не вижу человека с разбитым лицом...

– Это в двух десятках миль, – ответил я.

– Но... как он нас видит?

– По мобиле, – ответил я раздраженно. – Расслабьтесь, ваше величество, и получайте удовольствие. Смотреть на драку еще приятнее, чем участвовать, верно?

Она промолчала, а Борис с экрана крикнул:

– Левее! Прямо за тем киоском, что у тебя впереди слева!

Лавируя между выбегающими людьми, одного чувствительно задел левым крылом, я круто свернул за угол, и тут же навстречу выбежал Борис с картинно залитым кровью лицом, белоснежная рубашка на груди тоже вся в красных пятнах.

Я распахнул ему заднюю дверь, он ввалился и сразу крикнул:

– Гони!

Круто вывернув руль, я избежал удара о группу парней с битами и металлическими штырями в руках, свернул почти на двух колесах и понесся обратно, набирая скорость. Потом пришлют штраф за превышение, плевать, у меня смягчающие обстоятельства, спасал человека, в дни таких волнений полиция на все нарушения смотрит сквозь пальцы.

Он на заднем сиденье щупал окровавленными пальцами голову, морщился.

– Не удивлюсь, – сказал я, – если к этому перекрестку за час до незапланированного столкновения прибыли лучшие операторы телекомпаний.

Он ответил бодро:

– Ну и что?... Увижу свою рожу в новостях! Меня со всех ракурсов снимали.

– Все цело?

Он отмахнулся.

– Нос распухнет. Он у меня всегда был слабый, помнишь? Еще в школе кто стукнет, сразу кровь ручьем. Зато как зрелищно!

Королева спросила:

– Кто с кем дрался?

– Сторонники мастера Страуда со сторонниками мастера Рундельштотта, – ответил я, кивнул Борису, – это у нас свои термины, киношные. В духе сериала.

Он вскинул брови, но смолчал, только продолжал ощупывать лицо, а королева посмотрела на меня с вопросом в глазах.

– Одни и те же, – проговорила она озадаченно, хотя вряд ли что-то поняла, но суть, похоже, уловила. – Одни и те же, но разные...

– В точку, – сказал я. – Когда-то были единым ручейком, а когда превратились в реку, тут же разделились.

– Нас разделили, – сварливо поправил Борис. – Лучшие остались с трансами, а придурки ушли к постикам.

– Те утверждают то же самое, – согласился я, – только наоборот. Кому-то выгодно разделить и властвовать, а то стали сильны слишком. И кандидат в президенты не один общий, а два: Ицков и Медведев... Биоконны могут победить.

– Медведик одержит верх, – сказал Борис уверенно. – У него электорат шире.

– Этого мало.

– И международные связи!

– А Ицков ориентирован на Россию, – напомнил я, – что чихала на международную поддержку, неподдержку и даже санкции. Здесь у него голосов побольше... Ладно, скоро все увидим. Тебя где выбросить?

– Давай у центра Буки, – сказал он. – Моя колясочка уже мчится навстречу!

Я покосился на экран, на карте города в нашу сторону ползет зеленая точка, минут через десять пересечемся.

– Хотя бы рубашку сменишь?

Он ухмыльнулся.

– Ты что?.. И потеряю облик героя?..

– Ладно, – сказал я. – Только жену не пугай.

Он взглянул на меня с укором.

– Евгений, ну что ты меня позоришь в присутствии красивой женщины? Я кольцо снимаю сразу, как только выезжаю из дома!..

– Так можно сразу погуглить, – напомнил я.

Он отмахнулся.

– Да кто это сразу делает? Это потом, когда мне уже все равно, что обо мне узнают порочащего, а женитьба – самый большой порок... А, вон и моя лапушка!

Навстречу на предельно разрешенной скорости мчится «Майбах», все еще роскошная машина, хотя уже есть класс и повыше.

Высчитывая скорость и время, плавно затормозила у обочины, а я подрулил и поставил свое авто рядом.

Борис улыбнулся королеве.

– Простите, леди, что знакомство произошло в таких обстоятельствах. Приглашаю к себе в гости... можно с Евгением, он мне конкуренции не составит, а я покажу вам свои старинные ковры...

Я распахнул дверцу.

– Давай двигай, вагинолав. Привет жене и детям!

Он успел крикнуть королеве за миг до того, как я захлопнул дверь:

– У меня нет детей! Он нагло врет...

Я развернул авто и погнал в обратную сторону, а потом выехал на свою магистраль. Королева, что все время хранила молчание, спросила:

– А у кого сильнее магия, у Медведева или Ицкова?

– Это не та магия, – ответил я мягко, – что нужна вам, ваше величество. Приятно видеть, что вы смотрите в корень, не обращая внимания на заигрывание это бабобаба.

Она вскинула брови.

– Кого, этого твоего друга?.. Я его и не заметила. Он абсолютно пуст.

Я пробормотал пристыженно:

– Все мы здесь пустоваты, если судить по гамбургскому счету.

Глава 12

На шоссе то и дело выходят группы молодежи с транспарантами и плакатами, машина то и дело сбрасывает скорость, иногда даже ползем, я злился молча, зато королева вздохнула свободнее, непривычная скорость все-таки пугает, хотя, конечно, ее величество не может позволить себе выказывать страх перед таким простым существом, как я.

На экране в окошке появилось лицо Бориса. Я повел глазом, приказывая вывести на весь экран, Борис возник там, все еще в крови, уже почти подсохшей.

– Ты еще едешь? – удивился он. – Чё так долго?

– Впереди митинг, – буркнул я. – Биоконны напоминают о себе... У них, мол, самая правильная программа. Такая толпа перегородила дорогу, прямо стадо диких свиней, даже хрюкают...

Он фыркнул:

– Старухи?

– Молодых тоже немало, – ответил я.

– Дураки!

– Или не любят власть, – сказал я. – Понимают, что на этих выборах президентом станет трансгуманист или постчеловек. Вот и бунтуют заранее.

– Дураки, – повторил он с убеждением. – Только мы несем человечеству... Ладно, меня уже засняли все смявки, пойду умоюсь и рубашку сменю.

– А эту оставишь, как боевое знамя?

Он гордо ухмыльнулся.

– Еще бы! Внукам буду показывать, в каких кровавых боях завоевывали им светлое трансгуманистическое будущее. Скажу, хирурги всякий раз спасали мне жизнь, которую я беззаветно отдавал за наши великие идеалы, ха-ха!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.